

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-71-114

А. В. Геворкян¹

Институт мировой литературы им. А. М. Горького (Москва, Россия)

М. В. Строганов²

Институт мировой литературы им. А. М. Горького (Москва, Россия)

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И ЖУРНАЛ «РУССКОЕ БОГАТСТВО» К ПРОБЛЕМЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья рассматривает взаимоотношения Л. Н. Андреева с редакцией и сотрудниками «Русского богатства»: В. Г. Короленко, А. В. Пешехоновым, А. Г. Горнфельдом, – которые нашли отражение на страницах периодической печати конца XIX – начала XX века. Критическое отношение редакции журнала к писателю обусловило характер переписки 1911 г. между Л. Андреевым и А. В. Пешехоновым, который высоко ценил писательское мастерство первого, но считал, что тот стал «достоянием рекламы», а в его бытовом поведении отмечал признаки «улицы». Эту точку зрения разделял и А. Г. Горнфельд. Между тем немаловажную роль в построении такого восприятия личности писателя играли корреспонденты центральной и региональной печати, которые в погоне за горячими новостями нередко достаточно произвольно интерпретировали факты биографии и деятельность Л. Андреева. Аргументы в свою защиту Л. Андреев изложил в обстоятельном ответе А. В. Пешехонову. Однако в 1918 г. полемизировавшие стороны меняются местами, и теперь уже В. Г. Короленко в новых исторических условиях становится объектом непомерного массового почитания и чрезмерного внимания, что вызывает резко обличительные оценки Л. Андреева. В приложении к статье публикуется материал о покушении на Л. Андреева А. Г. Колбасенко.

Ключевые слова: А. В. Пешехонов, В. Г. Короленко, Л. Н. Андреев, кинематограф, литературная критика, массовая культура, «Русское богатство», эпистолярный

¹ Армен Варужанович Геворкян – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

² Михаил Викторович Строганов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

A. V. Gevorgyan

Gorky Institute of World Literature (Moscow, Russia)

M. V. Stroganov

Gorky Institute of World Literature (Moscow, Russia)

LEONID ANDREEV AND THE MAGAZINE “RUSSKOE BOGATSTVO” ON THE PROBLEM OF MASS CULTURE

The article examines the interrelations of L. Andreev and the editorial board and employees of “Russkoye Bogatstvo”: V. G. Korolenko, A. V. Peshekhonov, A. G. Gornfeld, which were reflected in the pages of the periodical press of the late 19th – early 20th centuries. The critical attitude of the editorial board to the writer determined the nature of the correspondence in 1911 between L. Andreev and A. V. Peshekhonov, who highly valued the writer’s skill first and foremost, but believed that he had become “the property of advertising”, and his everyday behavior was marked with “signs of the street”. This point of view was also shared by A. G. Gornfeld. Meanwhile, an important role in the construction of such a perception of the personality of the writers was played by correspondents of the central and regional, who, in pursuit of hot innovations for the press, as a rule, quite consistently interpreted the facts of the biography and activities of L. Andreev. L. Andreev set out his arguments in his defense in a detailed response to A. V. Peshekhonov. However, in 1918, the polemicizing parties took turns, and now V. G. Korolenko in the new history becomes the object of excessive conditions of mass veneration and increased attention, which causes sharply accusatory assessments of L. Andreev. In the appendix to the article, material about the assassination attempts on the subject of L. Andreev by A. G. Kolbasenko is republished.

Keywords: A. V. Peshekhonov, V. G. Korolenko, L. N. Andreev, cinematography, literary criticism, mass culture, “Russian Wealth”, epistolary writing

Леонид Андреев, как и всё его поколение, испытал в юности сильнейшее влияние народнической идеологии и, в частности, работ Н. К. Михайловского. В неопубликованном рассказе «Держите вора!» (1898–1899) он иронизировал над отношением к Михайловскому в кружке провинциальных интеллигентов, которые «считали себя людьми очень опасными и вообще такими, над существованием которых в самом сердце России стоит призадуматься»:

Насколько опять-таки помнит доктор, они были несколько даже односторонни и видимо склонялись в пользу марксистов, а над народниками смеялись. Особенно огорчал их Михайловский, которому они не могли отказать в уме и таланте и который вместе с тем отказывался понять самые простые вещи [Андреев, 2007, Т. 1, с. 348].

В газетной заметке по поводу книги К. Н. Михайлова «Следствие, прокуратура и защита в деле братьев Скитских (Опыт анализа судебного процесса)» (1900), Андреев иронизировал над автором:

Надобно полагать, что г. Михайлов – один из тех, кто наиболее томился до возникновения процесса от жары и скуки. Но, принадлежа к тому кругу, который не лишен способности обходиться посредством иностранных слов и гордо именует себя интеллигенцией, он пренебрег невидной ролью третичного свидетеля и выступил в ответственном амплуа следователя и горячего искателя истины. Быть может, во сне он видел В. Г. Короленко, и шум тополей и ночной вой голодных псов его взбудораженной голове представлялся трепетанием лавров и благодарственными кликами толпы. У него есть враги, у него есть друзья; горячо благодарит его реабилитированная г-жа Комарова, смертельно ненавидит навеки опозоренный «аптекарский ученик Зеленский». Всероссийская слава осеняет его многодумное чело, деньги льются в карман, и – чем черт не шутит? – вдруг он – академик [Андреев, 2007, Т. 13, с. 95].

Андреев иронизирует над провинциальными либерально настроенными интеллигентами, но рикошетом задевает и самого Михайловского. Он иронизирует над Михайловым, но рикошетом бьет и по В. Г. Короленко, который своей «всероссийской славой» защитника в Мултанском деле и только что полученным званием почетного академика соблазняет менее разборчивых и талантливых авторов идти по его пути. Относиться без некоторой доли иронии к Михайловскому и Короленко Андреев не может.

Однако поверх этой иронии находилось «искреннее уважение», с которым Андреев подарил Михайловскому свою первую книгу «Рассказы» (СПб.: Знание, 1901) [ЛН, 2002, Т. 107–2, с. 523]. И Михайловский отметил этот сборник в первой большой статье о творчестве Андреева [Михайловский, 1901, № 11, с. 58–74]. Вскоре после этого Андреев опубликовал в «Русском богатстве» единственное произведение – рассказ «Иностранец» [Андреев, 1908, № 12, С. 51–64]. Позднее же он избегал сотрудничества с журналом, хотя «Русское

богатство» регулярно откликалось на его произведения, в основном – статьи А. М. и Е. И. Редько³, реже – других авторов⁴.

³ Редько А. Е. М. Горький о виноватых и Л. Андреев о неповинных: «Дачники» и «Красный смех» / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1905. № 2. С. 47–61; Редько А. Е. Литературные наблюдения: Сборник «Знания», книги 4–6; г. Куприн, Гусев-Оренбургский, Найденов и Чириков – о «стране отцов» и г. Андреев – о «воре» / А. М. Редько, Е. И. Редько // Русское богатство. 1905. 10. С. 51–71; Редько А. Е. Литературные наброски. М. Горький. «Дети солнца». – Скиталец. «Полевой суд». – Л. Андреев. «Христиане» / А. М. Редько и Е. И. Редько // Современность. № 2, апрель. 1906. № 4. С. 1–25; Редько А. Е. Литературные наброски. Л. Андреев. Рассказы. Том второй. Мелкие рассказы. Том третий. «Так было» / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1906. Июль. С. 40–50; Редько А. Е. Литературные наброски. «Савва» и «К звездам» – Л. Андреева. «В Америке» – М. Горького. «В городе» – С. Юшкевича. «В тюрьме» – Е. Чирикова. «Огарки» – Скитальца. «Генрик Ибсен» – Г. Плеханова / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1906. Ноябрь. С. 116–142; А. Е. Р. «Враги» М. Горького и «Жизнь человека» Л. Андреева. XIV Сборник «Знания». СПб., 1907. – Литературно-художественные альманахи «Шиповника». Книга первая. СПб., 1907 / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1907. № 6. С. 106–114; Редько А. Е. «Хорошие» и «плохие» у Л. Андреева. «Иуда» и «Тьма» / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1908. № 6. С. 1–19; Редько А. Е. «Хорошие» и «плохие» у Л. Андреева. <Окончание> / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1908. № 7. С. 1–17; Редько А. Е. Элегия Леонида Андреева. «Черные маски» / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1909. № 4. С. 173–183; Б. п. Юмористические рассказы Леонида Андреева и А. Куприна. Приложение к журналу «Сатирикон». Том I: Юмористические рассказы Л. Андреева. СПб., 1909 / А. М. Редько // Русское богатство. 1909. № 9. С. 114–116; Редько А. Е. Об «Анатэме» в связи с общим отношением Л. Андреева / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1909. № 12. С. 75–94; Редько А. Е. Об «Океане» Леонида Андреева / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1911. № 5. С. 152–163; Редько А. Е. «Сашка Жегулев» Л. Андреева и «Петушок» А. Ремизова (Альманах изд. «Шиповник», кн. 16) / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. 1912. № 1. С. 139–149; Б. п. Альманах издательства «Шиповник». Книга 22. Леонид Андреев. Каинова печать. К. Чуковский. Эгофутуристы и кубофутуристы. К. Чуковский. Образцы футуристической литературы. Федор Сологуб. Любовь над безднами. Л. Н. Андреев. Письма о театре. СПб., 1914 / М. А. Редько // Русское богатство. 1914. № 2. С. 360–363; Б. п. Слово. Сборник шестой: Леонид Андреев. Младость. – В. Вересаев. Дедушка. – И. Сургучев. Мельница (часть II). – Граф Алексей Н. Толстой. Искра. – Ив. Шмелев. Лик скрытый. М.: Книгоизд. писателей, 1916 / А. М. Редько // Русские записки. 1916. № 6. С. 243–247.

⁴ Горнфельд А. «Мои записки» Леонида Андреева // Русское богатство. 1909. № 1. С. 96–120; Б. п. Леонид Андреев. Анатэма. СПб.: Шиповник, 1909 / А. Г. Горнфельд // Русское богатство. 1909. № 10. С. 156–158; Б. п. Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных. С рисунком И. Е. Репина. М., 1909 / П. Ф. Якубович // Русское богатство. 1909. № 1. С. 158–159; Дерман А. Тленное и нетленное. О «Профессоре Сторицыне» Л. Андреева // Русское богатство. 1913. № 2. С. 403–410.

Но 30 июля (12 августа) 1918 г., вспоминая в дневнике увлечения своей молодости, Андреев употребляет фамилию Михайловского как имя нарицательное и исторически не точно:

Поборолись немного наши Михайловские за «роль личности в истории» и незаметно продали ее за «добавочную стоимость» [Андреев, 1994, с. 120].

Действительно, в статьях 1870–1880-х гг. «Герои и толпа», «Еще о героях», «Еще о толпе» и других Михайловский говорил о созидательной роли в истории выдающейся личности на фоне пассивной массы. Но в 1890-е гг., когда русская интеллигенция стала поворачиваться от народничества к марксизму, он фактически возглавил редакцию «Русского богатства» в последовательных выступлениях против марксизма. Особенно же резко и несправедливо Андреев высказывался 3 августа 1918 г. в дневнике о Короленко:

Торжественный праздник приспособления. Старый шеф приспособившихся, В. Г. Короленко, чествуется и получает от обширного общества приспособившихся, приспособляющихся и имеющих приспособиться нежную и почтительную телеграмму (65-тилетие). Во главе чествующих М. Горький, тот самый М. Горький, который говорил мне когда-то про этого самого Короленку, что в 1905 году Короленко вел себя как трус и лицемер. Теперь эти породистые лжецы поняли друг друга. Во всё время войны Короленко молчал – и Горький молчал: не то, чтобы они совсем не принимали войны, но и не то, чтобы принимали, хотя всем, всем видно, что они против чего-то плохого во имя чего-то весьма благородного. Потом, в дни революции, Короленко слабо о чем-то разок простонал и опять смолк. <...>

Украина отделилась, Украина отдалась немцу, Украина переживала колебания, сомнения, выла от большевиков и гайдамаков – что писал в это время Короленко? За отделение он или против? Мы понимаем, что против отделения, мы догадываемся, что и немцы его не радуют, мы чувствуем, что он «страдает», – но где его слова? Он и тут молчал и только в «письмах к друзьям» намекал на свое неудовольствие и неудобства жизни.

И оттого все гибнут, кто на правой, кто на левой стороне, и лишь Короленко вечно живет и чествуется, он – «совесть и честь русского народа», он, величайший лжец и истинный гений приспособляемости. И любопытно, что именно его, хитрого и молчаливо намекающего, русская «честная» интеллигенция избрала своим угодником и пророком. Действительно, надо иметь хоть одного честного человека, и пусть будет им Короленко – чудесный русско-богатенский чурбан, имеющий такт молчать и никого не задевать.

Главное достоинство и свойство Короленки то, что честность его имеет, так сказать, оборонческий характер. Он никогда не нападает, его честность не меч, который обоюдоостр и опасен, – его честность щит и раковая броня. Если он вступает в борьбу, то лишь против зла *общепризнанного*, там, где его воинственная ярость никак и никого задеть не может. Кредо его пылкой ненависти не пошло дальше станového пристава, ибо исправник – уже спорное явление. Конечно, он

и исправника не одобряет, он даже и до царя добирался – но в частной беседе, но в частной беседе.

Он никогда не ошибался (действительно, становой – зло), ему не в чем раскаиваться, у него нет грехов, он беспорочен. Рядом с ним Горький с его глупостью и жадным славолубием действительно щенок и мальчишка – Короленко никогда так не прорвется и уж ни в какую лужу не сядет. Не знаю, каков он был в младости, когда пылкость и неосторожность довели его даже до ссылки, но с вступлением в зрелые года Короленко поставил себе и осуществил единую задачу: отсутствовать при всяком шуме и скандале, хотя бы этим скандалом была сама Голгофа. И наверное можно сказать, что живи он в ту пору, он просидел бы этот день дома – «по болезни моего друга Анненского» – и злая история, заклывавшая даже неосторожного Пилата, ни с какой бы стороны не могла бы подкопаться к честному Короленке. Меня там не было – вот его непрерывно возобновляемый подвиг и право на вход в царство небесное. <...>

Ведь Короленку приветствует не один Горький, <...> – ведь Короленку чествуют все! [Андреев, 1994, с. 114–116]

На самом деле Короленко был против этого празднования и писал в редакцию полтавской газеты «Наша жизнь» 6 (19) июля 1918 г.:

Если говорить о моих желаниях, то самое искреннее из них состояло бы в том, чтобы никакого юбилея в этот несчастный для нашей родины год не было. Настроение далеко не соответствует какому бы то ни было торжеству. Я понимаю, конечно, что писатель отдает в известной мере себя и свои творения в распоряжение общества, и мое желание решающего значения иметь не может. Я глубоко тронут добрым отношением инициаторов юбилея ко мне и к основным идеям моей работы, но прошу всё-таки, во внимание моего настроения и состоянии здоровья, – простить меня, если я уклонюсь от какого бы то ни было участия в предстоящих собраниях [Короленко, 1956, Т. 10, с. 568]⁵.

Однако юбилейные чествования состоялись 15 (28) июля 1918 г. в Полтаве и в Петрограде под председательством М. Горького. На первом из них Короленко присутствовал и произнес речь [Короленко, 2002, с. 192–193]⁶, выступления на этом заседании составили книгу [Жизнь, 1919]. В дни юбилея в Полтаве был создан Народный дом имени В. Г. Короленко⁷.

До 1917 г. Андреев дружески общался с Короленко. Особенно часто в 1910 г. (см. об этом ниже в воспоминаниях и дневнике К. И. Чуковского). Запиской после 22 июня 1910 г. Андреев приглашал Короленко на собрание литературного общества «Среда» в Куоккале:

⁵ Впервые: Наша жизнь (Полтава). 1918. № 39, 6 (19) июля.

⁶ Впервые: Полтавский день. 1918. № 64, 17 (30) июля; перепечатана: Полтавские новости. 1918. № 71, 17 (30) июля; Одесские новости. 1918, 7 (20) августа.

⁷ Полтавские новости. 1918. № 70, 15 (28) июля.

Сейчас получил с радостью Ваше письмо и спешу уведомить товарищей. Соберутся у меня в понедельник вечером; будем ждать Вас с супругою [Юдина, 1973, с. 65].

В записной книжке 24 апреля 1912 г. Короленко отметил визит Андреева, но сам редко писал ему, хотя 31 августа 1912 г. в записной книжке указал на сохранившееся письмо по поводу третейского (не состоявшегося) суда Андреева с редактором газеты «Русское слово» Ф. И. Благовым⁸, в котором Короленко согласился выступать на стороне Андреева вместе с П. Н. Милюковым (со стороны Благова В. Я. Брюсов и Д. Н. Доброхотов)⁹. В ответном письме по поводу этого суда от 4 сентября 1912 г. Андреев сообщал о своем впечатлении от известия о смерти Анненского:

<...> На своем моторе я уходил из дому на недели, не видал газет. И в одно из возвращений прочел о смерти и похоронах Николая Федоровича. Хотел тогда же написать Вам, именно Вам, – но что? Все слова малы и пусты показались. Так и не написал. И сейчас про Ваше горе говорить не смею, скажу только несколько слов про свое отношение.

Николай Федорович принадлежал к другому поколению, чем я; со стороны посмотреть – между нами лежит пропасть. Всё различно: и жизнь, и характер, и как бы даже самый дух работы. Но при всём том для души моей, для самого в ней заветного, только то поколение и ценно, и близко, и почитаемо, к какому принадлежал Николай Федорович, какое представлял собою он. Только за ними я чувствовал ту глубокую серьезность, которая дело русской революции делала воистину святым делом, всю литературу подняла на высоту строгого и неподкупного народослужения. Тут не было места для Ропшиных, которые

⁸ РГБ. Ф. 135. Разд. I. Карт. 20. Ед. хр. 1313.

⁹ ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 1. См. также материалы третейского суда:

Приложение 14. Милостивый государь Федор Иванович! Согласно моему письму от 20 апреля сообщаю Вам фамилии лиц, которые оказали мне честь и согласились принять на себя обязанности судей в нашем деле: Короленко Владимир Галактионович (СПБ, Кирочная, 29) и Милюков Павел Николаевич (СПБ, Эртелев пер., 8).

Леонид Андреев. 29 апреля 1912 года. Ваммельсуу

Приложение 15. Милостивый государь Леонид Николаевич! Принять на себя обязанности третейских судей оказали мне честь Валерий Яковлевич Брюсов (Москва, 1-ая Мещанская, 32) и Дмитрий Николаевич Доброхотов (Москва, Тверской бульвар, 17).

Ф. Благов. 11 мая 1912 года. Москва (РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 52, 53).

Впервые опубликовано в практически недоступном издании вместе с остальными документами третейского суда со ссылкой на РО ПД [Линин, 1934, с. 195, 196].

для меня отвратительнее самого Азефа, не было уюта и приволья и для виртуозов, балерин от литературы. Умирает Анненский – и с ним навсегда уходит в могилу та настоящая, великая русская революция, которая десятки лет творилась в тишине и молчании одинокими бойцами. Становится пусто и холодно. Будут и еще у нас люди, и даже герои будут – но той чистоты всего дела, какая была, уже не будет. Романтики не будет, а без романтики – простите за преувеличение – самая Голгофа становится делом коммерческим <...>¹⁰

Деловое и уважительное общение продолжалось и позднее.

Можно, конечно, объяснять перемену тона Андреева, которую мы находим в 1918 г., только резким неприятием власти большевиков и негативным отношением к кругу «Русского богатства» из-за их мнимого сотрудничества с большевиками (на том лишь основании, что они не эмигрировали). Но кажется всё же, что этого недостаточно. Мы попытаемся далее найти эти истинные (интимные) причины для такого отношения Андреева к Короленко и «Русскому богатству» в целом.

Осенью 1908 г. Короленко посетил дачи Ф. А. Щербины и своего брата И. Г. Короленко в поселке Джанхот. Все эти поездки местный хроникер газеты «Кубанский курьер» под псевдонимом Justus добросовестно зарегистрировал в манере своего времени:

На днях наш город посетил писатель В. Г. Короленко – гостивший в имении известного статистика Щербины [Justus, 1908, № 23, с. 3].

Владимир Галактионович Короленко выехал в «Джингот» <!>. Оттуда, как нам передавали, знаменитый писатель поедет в город Ромны, куда он вызван свидетелем по делу «роменской республики» [Justus, 1908, № 26, с. 3].

На обратном пути Короленко посетил своего знакомого городского голову Новороссийска в 1901–1905 гг. Алексея Андреевича Никулина, который за поддержку антиправительственного выступления во время «Новороссийской республики» был арестован, исключен из гласных, уволен с государственной службы и отдан под суд. Здесь состоялся разговор о современной литературе, содержание которого сообщил читателям всё тот же Justus. Для темы нашего дальнейшего рассказа большой интерес представляет оценка отношений М. Горького и читательской публики:

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 2. Машинописные копии этого письма сохранились в архиве Короленко: РГБ. Ф. 135/II. Карт. 17. Ед. хр. 38. Л. 2–4; Ф. 135/IV. Карт. 3. Ед. хр. 43. Л. 3–4. Вторая копия была сделана женой Короленко Евдокией Семеновной по письменной просьбе сестры Л. Андреева Римме Николаевне Андреевой для подготовки собрания писем писателя (РГБ. Ф. 135/IV. Карт. 5. Ед. хр. 16. Л. 1–2).

Затем разговор коснулся современных писателей, и Владимир Галактионович, остановившись на Максиме Горьком, заметил, между прочим, что это огромный талант.

Что то развенчивание Горького, которое теперь наблюдается, есть ничто иное, как недоразумение.

Горького публика почему-то считала босяцким писателем, т. е. талантом, вышедшим из самых недр босячества, между тем Горький никогда в полном смысле этого слова не был босяком и жил постоянно в обществе интеллигентов. Владимир Галактионович вспоминает то время, когда Горький вручил ему свою рукопись и как он (Владимир Галактионович) дал свой ответ Горькому, что вещь им написана так аляповато, так грубо, что для печати не годится.

На вопрос Горького, что нашел ли писатель в рукописи какие-либо достоинства, – Владимир Галактионович ответил утвердительно и посоветовал автору рукописи поработать над собой.

– А если так, то я знаю, что делать.

И с той поры Горький совершенно скрылся с горизонта года на два.

Но и по той рукописи уже чувствовались проблески огромного таланта, – добавил Влад. Галактионович.

Через два года маститый писатель встретил в одной из южных газеток рассказ Горького – и он, по мнению его, был шедевром художественного искусства и отличался богатым литературным языком.

Вот именно эти два года Горький и босячил, т. е. босячил в качестве наблюдателя с заранее поставленной целью, исполняя тяжелые физические работы, переходя из города в город.

Талант огромной наблюдательности запасался богатыми впечатлениями для последовавших затем своих художественных произведений.

Развивая дальше свою мысль Владимир Галактионович сказал следующее: но публика преувеличила значение Горького как художника. Зачарованная огромным талантом, она превознесла его чуть ли не как пророка и ждала нового слова – задурманив своим щедрым курением фимиамов и этот большой талант.

И он вступил на путь философского разрешения вопросов вечности.

Между тем такие произведения были всегда слабыми вещами у Горького.

И вот публика стала быстро развенчивать Горького так же несправедливо, как несправедливо его превознесла.

Талант огромный каким был, таким и остался, но лишенный жизненных впечатлений, – он не рисует тех богатых красками художественных картин, которые зачаровывали публику.

Публике представляется талант чем-то самодовлеющим, который автор может выпускать из себя в виде бесконечной ленты.

Но на самом деле это не так, талант нуждается в богатстве жизненных впечатлений, но доступ таких впечатлений с изменением Горьким условий жизни прекратился – в особенности с переездом писателя на Капри.

Короленко говорит о том, что читательский успех кружит писателю голову, писатель начинает мнить себя пророком, глубоким мыслителем, и это наносит ущерб таланту. И продолжает:

Перейдя к писателям символистам, Владимир Галактионович высказал следующий взгляд.

Писания Андреева, Арцыбашева, Сологуба и Ценского я, как человек старой реальной школы и даже в этом смысле рутинер, немного не понимаю.

По-моему, произведения художественные должны отражать правдиво и реально картины жизни.

Перечисленных авторов Владимир Галактионович относит к средним талантам [Justus, 1908, № 40, с. 3].

Justus поступил как самый обычный журналист. Очевидно, он либо был приглашен, либо напросился в дом Никулина (как можно судить, достаточно открытый для посетителей), и записал весь разговор. А. А. Никулин по этому поводу писал так:

Нахожу нужным заявить, что печатание разговоров, происходивших в общей беседе в домашнем кругу, без разрешения Владимира Галактионовича и согласия моего как хозяина дома, по-моему, неудобно. Это не было интервью, а обыкновенный домашний разговор, отнюдь не предназначенный для печати. Верности передачи высказанных В. Г. Короленко мнений я не касаюсь, так как по этому поводу может возразить он сам, если найдет нужным [Никулин, 1908. № 44, с. 00]

После этих слов Никулина Короленко уже не мог отмолчаться. Согласившись в целом с оценкой общей ситуации, которую дал Никулин, он счел необходимым откорректировать всего лишь один эпизод:

По поводу заметки г-на Justus'a в № 40 вашей уважаемой газеты г. Никулин уже отметил неудобство оглашения в печати беглых и несистематических разговоров в частном кружке, без предупреждения и без согласия собеседников. С своей стороны считаю нужным прибавить, что при передаче суждений моих о явлениях и личностях современной литературы г. Justus не избег некоторых неточностей, одну из которых считаю нелишним оговорить. Она касается отзыва моего о Л. Н. Андрееве как о таланте из ряда «средних». Можно совершенно не соглашаться с общей концепцией мира, которая сквозит в его символизме, и не восхищаться некоторым схематизмом его художественных приемов, – но и при этом отнести Л. Н. Андреева как художника к области золотой середины было бы критическим lapsus'ом, в котором считаю себя неповинным [Короленко, 1932, с. 187].

Критическое отношение Андреева к Короленко и «Русскому богатству», которое выразилось в его высказывании 1918 г., зеркально отражает в себе основные пункты полемики 1911 г. между Андреевым и ведущим публици-

стом «Русского богатства» А. В. Пешехоновым, что и составит основную тему публикации.

В октябре 1909 г. Андреев опубликовал какое-то письмо с отказом от литературной деятельности. Письмо это не обнаружено, однако нам известно письмо А. В. Пешехонова от 30 октября 1909 г., в котором указывается на этот факт:

Только что прочитал Ваше письмо в «Биржевых ведомостях». О чувствах, которые оно вызвало во мне, как в читателе, я говорить не буду; – уверен, что и без того до Вас дойдет немало читательских откликов. Но в качестве писателя не могу промолчать.

С Вашей «забастовкой» при обычных условиях, может быть, и не трудно было бы примириться. Год – не такой уж большой срок. Но теперь... Вы ведь знаете, в каком состоянии находится значительная часть литературы. Она отражает действительность без перспективы, она чертит план жизни без масштаба. Смешное и ничтожное в ней легко сходит за великое, навозная куча – за величественную гору. Можно, конечно, разное оценивать это состояние. Можно верить, что в результате получится совершенно новая и чудная картина; можно, с другой стороны, опасаться, что ничего не получится и потом с трудом придется реставрировать то, что на полотне было. Во всяком случае сейчас литература не представляет из себя чего-либо цельного, связного, определенного. Это что-то бесформенное, местами уродливое, местами расплывчатое.

Но в ней имеются все-таки штрихи и точки, которые, несомненно, останутся – войдут в будущую картину независимо даже от того, окажется ли она продолжением давно начатой или совершенно новой. И вот я себе представил, что эти штрихи и точки исчезнут...

Вы были самой видной точкой в мятущейся литературе, от Вас можно было ждать, что Вы поможете ей самоопределиться. И вот Вы забастовали, – забастовали, быть может, в тот самый момент, когда пришло время провести определяющие штрихи.

Сообщить о причинах Вы нашли неудобным. Не сомневаюсь, что они очень властные, да и по себе я знаю, как велика может быть у современного писателя потребность отойти хоть на время в сторону, застыть на берегу с удочкой...

Теперь пусть-ка они меня поищут! – Пускай!.. А уж душу свою я соблюду... Буду вот сидеть под кустом да рыбу ловить, ничего мне не нужно... Ничего!..

Зарисованный Успенским мещанин мог так поступить. Но вправе ли это сделать писатель – я сомневаюсь. Состоящие на действительной службе не всегда ведь могут претендовать на отпуск... Взвесили ли Вы свое решение с этой стороны?

Конечно, я не решился бы этот вопрос поставить, если бы не недавний разговор с Вами. Правда, разговор был случайный и по обстановке <нрзб.> несуразый <!>; его можно было бы возобновить и продолжить, но можно было бы числить и не бывшим... Не об этом речь. Суть в том, что всего неделю тому назад перед Вами встал вопрос: где печатать? Не трудно понять его значение. Мне как-то пришлось даже печатно высказать сожаление, что Ваше имя сделалось достоянием рекламы, не стесняющейся извлекать выгоды из современной литературной сумятицы.

Как бы то ни было, еще на днях был вопрос. И вот уже готовое решение: нигде не печатаю. <предложение зач.>. Естественно, что оно мне кажется несколько неожиданным. И вполне понятно, как я думаю, то тревожное чувство, с которым я себя спрашиваю: приняли ли Вы в расчет, в какое время берете отпуск?¹¹

Действительно, письмо Андреева мы не обнаружили ни в «Биржевых ведомостях», на которые указывает А. В. Пешехонов, ни в других изданиях. Однако именно об этом решении Андреева иронически писал тогда же корреспондент газеты «Руль» в рубрике «Московский фельетон»:

– Вообразите, душечка, «Черные маски», действительно, никакого успеха не имели. Наши рецензенты уж на что несогласный народ, а и те были единодушны <...>

– А Андреев?

– О, Андреев, душечка, как только это узнал, сейчас к себе в Финляндию наложенным платежом знакомого репортера выписал и говорит: «Напишите, пожалуйста, если так со мной поступают, то в нынешнем году я академически ничего писать не буду. Как есть ничего. Так и напишите».

– Позвольте, милочка, позвольте, да ведь нынешний-то год через три недели кончится. Кого же Андреев хотел напугать?

– Вот уж этого, душечка, я вам совершенно не могу объяснить. Какая-то игра слов <...> [Ирисов, 1909, № 205, с. 3].

Из этого фельетона следует, что отказ Андреева от литературной работы каким-то образом связан с постановками пьесы «Черные маски» в Петербурге на театре В. Ф. Комиссаржевской 2 декабря 1908 г. и в Москве на театре К. Н. Незлобина 7 декабря 1909 г. Но поскольку Андреев опубликовал свое письмо в октябре 1909 г., привязать конкретно к какому-то отзыву этот отказ не удается¹².

А. М. и Е. И. Редько назвали «Черные маски» «горькой элегией в драматизированных формах»:

Перед вами произведение сверхзашифрованное и в то же время – обнаженное. Зашифрованное – по форме; обнаженное – по существу. Автор «Черных масок», прикрывшись маской, вводит нас в интимнейшую область своих переживаний. Он как бы боится стать слишком открытым для нашего глаза и в то же время хочет поделиться чем-то интимно пережитым, переболевшим в сознании. <...> [Редько А. Е., 1909, № 4, с. 173].

¹¹ РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 1–2.

¹² Историю публикации, постановок и отзывов на «Черные маски» см.: Кен Л. Н. Комментарии // Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. – М.: Наука, 2007. – Т. 6. С. 719–744.

Раньше, чем мы прочли драму, нам пришлось слышать ее в чтении, в выдержке, из уст самого автора... Вышел Леонид Андреев. Раздался гром – именно гром – аплодисментов. Горячо приветствовали, быть может, те же самые слушатели, которые так недавно были горячи по отношению к Максиму Горькому, а теперь – так беспощадно холодны... А он – властитель теперешних симпатий – точно обеспокоенный этими горячими выражениями «связи» между ним и залой, торопливо поспешил сесть за стол и невнятно стал читать, как герцог ди Спадаро убил половину самого себя; убил, положил в гроб и упрасивал лежать спокойно. Одна половина убила другую.

Мы слышали, но не поняли. <...> [Редько А. Е., 1909, № 4, с. 173–174].

И говоря только за себя, мы должны сказать, что первое чувство при первом знакомстве с Л. Андреевым, с его первыми вещами было во многом не в пользу. Слишком много эффекта – в его позах. Поза отпугивала. Но чем дальше, тем яснее было, что поза – позой, что за этой расхолаживающей позой – подлинное человеческое страдание. И мимо него нельзя уже было пройти. Ясно стало, что автор субъективно прав, утверждая, что на свете нет ничего лживее логики, когда ею меряют человеческую душу [Редько А. Е., 1909, № 4, с. 174].

Назвав в конце статьи пьесу Андреева «торжественным гимном в честь «живого огня», написанным пессимистом Л. Андреевым, А. М. и Е. И. Редько пишут:

И снова приходится пожалеть, что такая искренняя, такая горячая, такая задушевная вещь написана так зашифровано, что остается для многих закрыто книгой [Редько А. Е., 1909, № 4, с. 183].

Вообще А. М. и Е. И. Редько оценивают творчество Андреева очень высоко¹³, и Андреев должен был бы быть доволен этими оценками. И письмо Пешехонова свидетельствует об очень высокой оценке места Андреева в современной литературе. Но появляются в нем и другие ноты: имя Андреева «сделалось достоянием рекламы, не стесняющейся извлекать выгоды из современной литературной сумятицы». Через полтора года ситуация стала очевиднее, и Пешехонов зафиксировал этот факт в статье «Волна пошлости» [Пешехонов, 1911, № 3, с. 86–111]. В этой статье досталось очень многим писателям, но следует признать, что такие достаточно скоропалительные осуждения были в то время в порядке вещей. В том же номере «Весны», где была помещена статья в поддержку Андреева против критики А. Доброхотова, была опубликована и статья «В морду. Критика критики», автор которой писал о критиках Андреева:

¹³ См. также: Редько А. Е. Ненависть и любовь к людям у Л. Андреева // Бодрое слово. 1909. № 3–4. Стб. 56–72.

Может быть, вы читали, как критикуют рыцари без страха перед здравым смыслом и упрека в культурности... в «Весах» – особенно где дело коснется Андреева? А то бы вы познакомились с такого рода критикой: «Мне жалко Л. Андреева, – пишет один из литературных недовесков при “Весах”, – этого бедного, слабого и глупого человека, которого сделали другие бедные и глупые люди таким бессовестным...» и т. д., все в таком же духе.

Далее, перечисляя другие образцы критических суждений, А. Бухов пишет:

Может быть, вы читали, как Изгоев из «Речи» недоумевает, почему это у Мережковского нет трудов о религии? Может быть, вы читали, как этот последний, в свою очередь, лучшие сцены из андреевских «Семи повешенных» называет «лирическими безделками»?

Завершается этот длинный ряд перечислений язвительной характеристикой Пешехонова:

А вот еще Пешехонов – один из лидеров старого садка истухших окуней, именующих себя современными носителями и хранителями общественной мысли... Даже и он, рассматривающий поиски души с точки зрения закона 9 ноября и человеческие стремления аналогично с общинными переделами – даже и он спешит за критическим бульваром и еще старается перещеголять его своими выкриками и бранью...

Бедное, славное, рассыпающееся «Русское богатство» – сколько оно вытерпело: и гонения, и закрытия, и Петрищева, а теперь еще – Пешехоновская критика... Почитайте последний № этого журнала – те его страницы, где гикает и дрожит от бешенства этот талантливый в своей критической бесталанности ежемесячный писатель...

Прочитайте, как он раздражен понедельничными газетами и нашей «Весной». Посмотрите, как на чистых страницах народнического журнала, еще не успевших скинуть с себя обаяние мысли Ник. Конст. Михайловского звучат базарные слова: «Идти в дом терпимости. содержимый г. Василевским, можно, а в дом терпимости, содержимый г. Сувориным, зорно»...

Посмотрите, как народный социалист Пешехонов, заключив тесный союз с г. Проппером, со слов газетки последнего, клеветает на нас, называя работников «Веснь» «кошкодавами»... Какое трогательное слияние, оправдываемое, должно быть, одним общим врагом – «Весной». Может быть, даже и союз заключится – Проппер и Пешехонов, Оберучев и Петрищев – с Богом, в Добрый час... Нам не это важно: пусть, вспоминаю слова Шекспира – «глупец набрал острот различных войско и поместил их в памяти своей». Нет – «я и других глупцов немало знаю, островами себя вооруживших и, чтобы в ход пустить одну из них, готовых в бой вступить со здравым смыслом», но дело в том, что, как мы – по мнению Пешехонова – являемся продуктом времени, так и сам г. Пешехонов с его критикой неза-

конный плод нашего критического безвременья. Правда, ни одно из уважающих себя изданий не обидится на гг. Пешехоновых, когда они назовут его «юркой и плутоватой рекламой», но для каждого интересующегося литературой человека интересен самый процесс дохождения социалистической литературы до «жизни такой», когда она для всякого начинания ищет чутьем палок, а «дневного пропитанья ежемесячным враньем»... [Бухов, 1908, № 10, с. 13–14].

Пешехонов, разумеется, эту статью знал и помнил, и это, возможно, повлияло на его резкие выпады против Андреева, который после публикации статьи Пешехонова писал ему 29 марта 1911 г.:

Ваша статья «Волна пошлости» доставила мне как писателю большую радость. Об этом давно нужно было сказать – твердо и прямо, без намеков, мешающих ясности, и без шутки, ослабляющей силу справедливого негодования. Забыли, что в нашей полудикой стране сила писателя не в одном таланте, а в личном достоинстве, в моральной высоте, и ведут себя зазорно, плохо живут наши писатели, да и пишут от этого плохо.

И одно в Вашей прекрасной статье не то чтобы огорчило меня, а скорее удивило и удивило не в первый раз: это дурное отношение «Р<усского> б<огатства>» ко мне, включение и меня в группу пресловутых пошляков и литературных этуалей. «Чуковский, Андреев, Арцыбашев», – пишете Вы и повторяете это в различных комбинациях так часто, что в конце концов я совершенно сливаюсь с пьяным, безобразным и несчастным Куприным, и с цинично откровенным в своей пошлости «Синим журналом», и со всею развеселой улицей...

Даже в «Гулливере»¹⁴, написанном мною в порыве того же негодования, как и Ваша статья, Вы находите что-то созвучное улице, цитируете его наряду с крикливо-самодовольным выпадом Арцыбашева. (Между прочим: о студентах, которых «избивают», у меня совсем ясно сказано там, где я рассказываю о лилли-

¹⁴ Имеется в виду статья «Смерть Гулливера». Произведение это, написанное вскоре после смерти Л. Н. Толстого, впервые появляется в печати: Утро России. 1911. № 35, 13 февраля. С. 3–4. Подзаголовок прямо указывает, что речь идет о Л. Н. Толстом. Пешехонов так излагал эту статью: «Любопытно, однако, отметить, что то же чувство отвращения испытали и другие лица. Испытал его, например, г. Леонид Андреев, который выступал даже по этому случаю в роли сатирика. Роль не вполне ему свойственная... Поэтому, быть может, в нарисованной им картине, как лилипуты хоронили Гулливера, совсем почти нельзя узнать действительности. Какие-то «ученые», какие-то «друзья», какие-то «желчные» лилипуты. Даже там, где чувствуются определенные намеки, никак не догадаешься, кого имеет в виду автор. В некоторых же случаях прямо в тупик становишься. Например, г. Леонид Андреев пишет:

С наглою развязностью на трибуну полезли какие-то неведомые никому, грязные ораторы и, совершенно забывая о Человеке-Горе, начали кричать о каких-то своих желаниях и даже требованиях. Кто-то кого-то бил – одни очевидцы утверждают, что это были запоздавших ученых, другие же очевидцы говорят, что это расправлялись с друзьями Гулливера, третьи же, наконец, доказываюсь, что били самих ораторов» [Пешехонов, 1911, № 3, с. 106].

путских детях¹⁵; да чуть ли не я единственный отказался от участия в лицемерном Толстовском вечере именно потому, что «студентов избивают». И это замечание Вами того, что так ясно, особенно характерно для сознательно-бессознательного отношения ко мне Вашего журнала: не видя дурного, Вы отыскиваете его.)

А незадолго до Вас кто-то в «Р<усском> б<огатстве>» упрекнул меня весьма ядовито за участие в фидлеровском сборнике [Б.п., 1911, № 2, с. 151–153], хотя я, ввиду благотворительной цели книги, просто не считал себя вправе уклониться, да ничего дурного и не написал. А еще незадолго г. Горнфельд яростно и опять-таки главным образом с моральной точки зрения обрушился на меня за первый том, выпущенный «Просвещением»¹⁶. И в своем желании унижить меня г. Горнфельд перешел даже границы добросовестности, обязательной для него как для строгого и всегда честного писателя: его способ цитировать, по форме безукоризненный, по существу печально близок к манере Чуковского. Цитируя *так*, я берусь доказать, что само Евангелие есть сборник ничтожнейших мыслей, даже бессмыслия... ибо какая же мысль в словах «пришед», «ушед», «вышед»? Я буду очень благодарен Вам, если Вы от меня передадите всё это г. Горнфельду и добавите (по-видимому, это очень важный пункт для критических изысканий), что никаких выгод от издания этого тома я не получаю и что, пока право собственности и выгоды принадлежали мне, а не «Просвещению», я этого тома и не выпускал. <...>

¹⁵ Ср.: «...в середине толпы раздался какой-то новый, очень громкий и странный, непохожий на все предыдущие звук. Посланные узнать, в чем дело, сообщили церемониймейстеру, что это плачет какой-то плебейский ребенок, которому будто бы очень жаль Человека-Гору. И пока церемониймейстер старался понять, в чем дело, к плачу одного ребенка, как это часто бывает между детьми, присоединился такой же странный и горький плач всех остальных плебейских детей. Как ни хлопали распорядители, как ни старались сами отцы и матери плачущих детей, угощая их шлепками и подзатыльниками, плач становился всё громче и переходил в явное неприличие по отношению к высокому, холодному и строгому трупу. Только удалением всех детей, их отцов и матерей и дальних родственников удалось достигнуть сравнительной тишины, но раз нарушенный чинный порядок уже не мог восстановиться» [Андреев Л. 1911, № 35, с. 4].

¹⁶ Ср.: «Надо было в опьянении от фимиамов совершенно потерять естественное чувство самокритики, чтобы в положении Леонида Андреева выступить с этой печальной коллекцией второстепенных газетных статей. Положение ведь обязывает – в обе стороны. Леонид Андреев стоит достаточно высоко, чтобы иметь все основания относиться бережнее к своему имени и не создавать новых читателей своим фельетонам, которые – мы хотим верить – и ему самому не кажутся достойными насильственного воскресения и жизни вечной. С другой стороны, Леонид Андреев – и это, надеемся, так же ясно ему – не поднялся еще до той высоты, на которой каждая строчка, написанная им, должна быть сохранена для потомства» [Б. п., 1911, № 1, с. 161].

Я не буду ломиться в открытую дверь и кончаю письмо. Но если Вы думаете, что дверь закрыта, и если у Вас есть настоящие серьезные основания для причисления меня к лику улицы, Вы напишите мне (или, если хотите, напечатайте), и я почту для себя за честь и удовольствие ответить Вам. Я так уважаю всю группу литераторов «Р<усского> б<огатства>» (за очень немногими исключениями), что всякая беседа с ними, даже на такую неприятную тему, для меня интересна и желанна¹⁷.

Пешехонов сообщил это письмо своему коллеге по редакции А. Г. Горнфельду, и тот отвечал 5 апреля 1911 г.:

Не думаю, чтобы для ответа Л. Н. Андрееву даже в той части его письма, которая касается меня, Вам понадобились какие-нибудь добавочные разъяснения с моей стороны. Вы читали мои рецензии, знаете, до какой степени я чужд недоброжелательства к Андрееву, и знаете также, что именно потому, что рецензии наши анонимны, т. е. опираются на нашу коллективную ответственность, я в них особенно осторожен и сдержан.

Замечательно вот что: Л. Н. Андреев расписывается в великом к нам уважении, а между тем посмотрите, как он нам не верит: не верит беспристрастию, не верит спокойно-благожелательному отношению к нему, совершенно не верит тому, что, когда его обвиняют у нас в пошлости, то это делается без тени злорадства, с настоящей душевной болью, – а если и с насмешкой, то это потому, что насмешка есть способ борьбы и невозможно отказать от него там, где борешься с живыми людьми за живое дело. Но, конечно, никакой не только насмешки, но и никакого самого справедливого указания не в силах выдержать Л. Н. Андреев, доведенный, вероятно, успехом до смешной гиперостезии. Посмотрите: «Кто-то в “Р<усском> б<огатстве>”, – говорит он, – упрекнул меня весьма ядовито за участие в фидлеровском сборнике». Вот это просто *неправда*, не только ядовитого, но и просто упрека нет в рецензии; ведь имя Андреева названо в ней один раз – и рядом с К. К. Арсеньевым (от Арсеньева да Беспятова, от Л. Андреева до Цензора: т. е. взяты два писателя больших и два из мелкоты¹⁸). Что же, я и Арсеньева язвил? Как нелепо – и какую смелость надо иметь, чтобы после этого писать: «надеюсь, что ни Вы, ни г. Горнфельд не подумаете, что здесь

¹⁷ РГБ. Ф. 225. Карт. 2. Ед. хр. 9. л. 1–2.

¹⁸ Горнфельд действительно не упрекал Андреева за участие в сборнике и только назвал его среди участников. Однако один эпизод рецензии указывал на Андреева: «...современные русские писатели и так слишком много пишут и говорят о себе. Более чем когда-либо “le moi est haïssable”, а между тем если какое-нибудь чувство можно в наши дни назвать вымирающим, то это, несомненно, скромность. Ссылками на индивидуализм прикрывается непристойная реклама, беспардонная шумиха происходит вокруг третьестепенных литературных деятелей. Литератор сообщает печатно о том, что имеет одну пару штанов и очень любит свою жену; в кинематографе показывают семейную жизнь писателя, который позволяет выгащить на улицу интимность своей домашней обстановки. Это уже почти карикатуры, а ведь рядом с ними – более серьезные, более сдержанные, менее безвкусные и более опасные формы этого буквально бесстыдства, то есть отсутствия стыдливости» [Б. п., 1911, № 2, с. 151–153]. См. об этом: Б. п., 1909, № 853.

просто задето мое самолюбие». А что же как не самолюбие? Только ослепляющее самолюбие и заставило утверждать Андреева, что я на него «обрушился с моральной точки зрения», тогда как я говорил исключительно о безвкусице его фельетонов, или что я, «писатель строгий и всегда честный», в рецензии о нем «перешел границы добросовестности». Другого случая, видите ли, не нашел. Двадцать лет был «строг и честен», и вот, чтобы обругать фельетоны Андреева, забыл обо всём этом и стал «печально близок к манере Чуковского». Ну, о близости с Чуковским – ради Л. Н. Андреева – лучше помолчим. А то, что я цитирую лишь по «форме безукоризненно», это опять *неправда*. В моей рецензии из *двух* страниц *одна* занята сплошь цитатами, и это не выдернутые словечки, а всего три цитаты. Это не доказательства, а иллюстрации: я мог бы и не цитировать, а просто сказать, что читал книгу и нашел ее безвкусной; я взял цитаты потому, что считаю их – и продолжаю утверждать это – в высшей степени характерными для книги Андреева, ничтожной и недостойной его дарования. Получил ли он от издания этого тома какие-нибудь «выгоды», или нет, меня совершенно не интересует, и нужна большая развязность, чтобы заставлять Вас передавать мне эти сведения. «По-видимому, это очень важный пункт для критических изысканий», – замечает г. Андреев. Чьих? Не моих ли? Пусть он мне скажет это в лицо – и, быть может, только тогда размеры нашего негодования покажут ему разницу между нашими и его взглядами на требования литературного достоинства. Впрочем, я в этом письме и так уже сказал слишком много вещей, которые Вы и без меня хорошо знаете¹⁹.

Сам же Пешехонов писал Андрееву 7 апреля 1911 г.:

Отвечая на Ваше письмо, позволю себе прежде всего напомнить, что я писал 2 ½ года тому назад («Русское богатство», октябрь 1908 г.).

«Присмотритесь к нынешним литературным комбинациям, – писал я, – хотя бы к тем же, например, “Понедельникам”: каких только имен вы в них не встретите!.. Максималисты, большевики и... кошкодавы; символисты и реалисты; порнографы и моралисты; всем известные крупные таланты и усердно рекламируемые круглые бездарности... Множество имен, между которыми нет и, казалось бы, не может быть ничего общего... И в целом ряде подобных комбинаций, как бы для того, чтобы глаз не упустил уродливого сочетания, фигурирует Леонид Андреев. Он – в альманахах, он – в “Понедельниках”, он – в ежемесячниках, даже в “Весне” он сотрудничает».

Упомянув далее о перепечатке «старых фельетонов, которые г. Андреев писал, когда был заурядным газетным работником», я продолжал:

«Имя писателя, приковывающего сейчас к себе общее внимание, оказалось в распоряжении юркой и плутоватой рекламы, которая пользуется им, чтобы легче создавать и быстрее пускать в оборот самые уродливые литературные комбинации. Художник, специализировавшийся на изображении ужасов жизни, – видящий их иногда даже в том, в чем мы их не чувствуем, – как будто вовсе не замечает кошмара, который нас давит» [Пешехонов, 1908, № 10, с. 75].

¹⁹ РГБ. Ф. 225. Карт. 2. Ед. хр. 73. Л. 1.

Как видите, мне уже приходилось отмечать Ваше пребывание в составе улицы. Думаю, что и сами Вы не будете отрицать, что целый ряд лет провели в самых прихотливых, а нередко и прямо уродливых литературных сочетаниях, немало содействуя их успеху... Теперь мне вновь пришлось упомянуть о Вас как об одном из участников литературно-уличной жизни.

Вы находите, что я допустил неправильность. В чем? Может быть, мною допущен анахронизм?.. Слов нет, Вы теперь держитесь несколько дальше от литературной улицы, чем раньше. Но и за всем тем нельзя сказать, что Вы уже отделили себя от нее чертою. Нет-нет, да и примите участие в ее жизни. Кроме юбилея Ясинского, можно было бы указать и другие факты. Возьму хотя бы такой. Минувшей зимой в Вашей домашней жизни произошел в высшей степени тягостный эпизод. «Случилось непонятное, дикое», – как выразились Вы. Не буду касаться этого эпизода по существу. Напомню лишь, что Вы поспешили тогда на улицу, под защиту уличной газеты и держали себя – скажу и это – по-уличному²⁰. В своей статье я обошел этот факт, но и его я, конечно, имел в виду, когда отмечал Вашу близость к улице.

Может быть, я дал неправильное объяснение этой близости? В своем письме Вы говорите о нападении на Вас «главным образом с моральной точки зрения». Но этого же совсем нет в моей статье (как не было и вообще в «Русском богатстве»). Ваших мотивов я не затрагивал; я говорил лишь о недостатке такта с Вашей стороны. Я не сомневаюсь, что Вы всякий раз желаете поступить как можно лучше... И всё-таки оказываетесь подчас в довольно-таки непривлекательной компании. И всё-таки Вашу гримасу иной раз трудно отличить от уличного кривлянья. Причина, по моему мнению, кроется в том, что Вы слишком свысока смотрите на происходящее вокруг. При несомненно повышенной чувствительности в одних отношениях Вы не проявляете подчас необходимой для писателя чуткости в других. От этого объяснения я и сейчас, к сожалению, не могу отказаться.

Многоуважаемый Леонид Николаевич! Ведь даже в том письме, на которое я теперь отвечаю, это сказалось. Вы полагаете, например, что у читателя может являться «шальная и парадоксальная мысль: а ведь улица и я, читатель, вместе с нею совсем не так плохи, если на нашей стороне стоит г. Андреев». Вы, по-видимому, упускаете в данном случае из виду, что кроме «улицы» и «Андреева» имеется еще русская литература с великими традициями и целым рядом имен, если не в настоящем, то в прошлом, которые легко могут ориентировать читателя... Можно было бы отме-

²⁰ 30 декабря 1910 г. в Андреева стрелял слуга, сбежавший с политической каторги М. Х. Румянцев, который жил у него по фальшивому паспорту на имя А. Г. Ковбасенко, арестован 5 января 1911 г.; см., например: Покушение на Леонида Андреева (Из беседы с писателем) // Биржевые ведомости. 1911. № 9, 12 января. С. 2. Это последнее интервью, очень важное как для понимания смысла полемики, так и общей ситуации Андреева, мы публикуем в приложении к статье.

тить в Вашем письме и еще кое-какие места, способные скорее подтвердить, чем опровергнуть данное мною объяснение...

Должен, однако, сказать, что в целом это письмо меня очень обрадовало. Вы протестуете против сопоставления «Чуковский, Андреев, Арцыбашев». Но не так давно имели ведь место еще более непривлекательные сочетания, вроде: «Шебуев, Андреев», и в них Вы не находили ничего шокирующего. Ваш теперешний протест дает мне право думать, что кошмар, который нас давит, Вы заметили и даже почувствовали. Вместе с тем крепнет и моя надежда, что говорить о Вашем участии в уличной жизни мне больше не придется.

Не в самолюбии – говорите Вы – дело... Я не побоялся затронуть его, и теперь, отвечая Вам, я вовсе не считался с тем, что задену его, быть может, еще сильнее.

Дело – говорите Вы – в справедливости... Я не думаю, однако, чтобы в отношениях к Вам «Русского богатства», и в моих, в частности, справедливость была нарушена.

Дело, по моему мнению, в том, где пройдет стертая, но уже начавшаяся опять намечаться линия между литературой и улицей. Мне хотелось бы, чтобы мы оказались с Вами по одну и ту же сторону этой черты. Определяющим моментом в моих отношениях к Вам всегда было и остается это именно желание – желание видеть Вас в числе друзей, на которых можно всецело положиться, а не в числе противников, с которыми приходится всё время бороться²¹.

Вместе со своим письмом Пешехонов послал Андрееву и письмо Горнфельда, поэтому Андреев отвечал 20 апреля 1911 г. на оба письма:

Я очень благодарен за Ваше письмо. Правда, оно жестоко, порою излишне и ненужно резко, но оно прямо, правдиво называет вещи своими именами, дает возможность говорить так же прямо и ясно.

Это верно, я очень волнуюсь, когда говорю, и даже прав г. Горнфельд, с иронией определяющий мое состояние как гиперостезию. И с этой гиперостезии я и начну.

Когда бьют конокрада, то стараются, чтобы каждый из убийц ударил раз-два, не больше; и всякий удар, взятый сам по себе, не способен причинить смерть. Но в массе ударов получается смерть и увечье, и в то же время нет убийц, ибо нет возможности установить, который из ударов был смертельным. Так же при наказании шпицрутенами или убиении посредством розги: каждый удар не может причинить даже мало-мальски серьезного вреда, а после известного количества ударов наступает, однако, смерть. От гиперостезии.

В таком же приблизительно положении, как избиваемый шпицрутенами, нахожусь и я. Уже три года меня травят немилосердно: стали в два ряда и бьют

²¹ РГБ. Ф. 225. Карт. I. Ед. хр. 36. Л. 3–4.

справа и слева. Вам, конечно, покажется это преувеличением, но я мог бы при надобности документальной ссылкой на сотни статей в правой и левой печати установить точные границы этой дикой бессмысленной травли. И воистину нет пределов, перед которыми остановилось бы воображение инсинуаторов. Беззаботные сообщения о том, что я сошел с ума, обвинения в том, что я проигрываю в карты аванс, полученный мною для постройки дачи, сведения о моем корыстолюбии, ставшем аксиомою: в «Русском слове» на основании ложного слуха о том, что я хочу брать с театров 40 %, меня в серьезно негодующей статье называли ростовщиком» [Б.п., № 6, с. 6]²². Правда – узнав правду, автор статьи частным образом извинился передо мною... Но кто об этом извинении знает? Публичного же извинения я сам не хотел – не хотел шума. И еще совсем недавно, в случае, где я именно жертвовал своими денежными интересами для справедливости, меня окрестили «коммерции художником, сутенером собственного таланта».

²² Имеется ввиду статья Сергея Яблоновского (С. В. Потресов) «Не по поступкам поступают», автор которой так излагал точку зрения Андреева: «Мы уже объединились для того, чтобы вместо обычной поактной платы, которую получали до нас все драматурги, получать плату форсированную – десять процентов с валового сбора, но кто помешает нам брать не десять, а двадцать процентов за пользование нашими произведениями? Мы теперь в моде; еще несколько лет, – и эта мода может пройти; пока же ни один антрепренер, ни одно товарищество без нас обойтись не могут.

Что же касается закона, то, как юрист, могу сообщить, что двадцать процентов караются как ростовщические только в том случае, когда взимаются на данные займы деньги. За пьесы же, данные в пользование, можно безнаказанно брать и ростовщические проценты» [Яблоновский, 1909, № 7, с. 3].

Опровержение этой информации Андреев со ссылкой на газету «Русское слово» дал в интервью корреспонденту «Одесского обозрения»: «Газетный шум около имени писателя, часто беспричинно враждебный, производит на него тяжелое впечатление.

Это прежде портило настроено, теперь я готов ругаться, – говорит он. – Я говорю не о критике, потому что серьезная критика приносит только пользу писателю. Я разумею всю эту газетную возню, всевозможные выдумки, мелкое сплетничество или почти откровенную клевету. Всё это связывается с моим именем, и вы не можете поверить, как это нервит. Смешно, но досужие люди буквально сочиняют обо мне что им вздумается.

Так, напр., было сообщено, что где-то собирались драматурги и я будто бы высказал предложение повысить наши требования к антрепренерам, чтобы нам, авторам, получать что-то вроде 30 проц. с пьесы. Известие обошло все газеты. В некоторых, в особых статьях, меня выругала за корысть. А я не только не выражал таких желаний, нигде и ни в каком собрании не был, а с предстоящего сезона делаю то, чего, собственно, никто из драматургов не делает: отчисляю доход с одного спектакля во всех городах в пользу студенчества.

– Почему же вы об этом молчите?

– Но ведь если не молчать, то нужно каждый день писать письма в редакцию. Это же надоест всем и противно самому! Но носить все эти уколы в себе тоже тяжело» [Б. п., 1909, № 526, с. 2].

Далее.

Твердо установлено, что я стремлюсь к саморекламе, к шуму. Моя корректность, не позволяющая мне быть грубым даже с недостойными людьми, одними эксплуатируется, другими ставится мне в преступление. Ко мне приезжают в гости, потом пишут об этом статью; я пишу в редакцию газеты протестующее письмо... но кто об этом письме знает? Ведь шум идет не с этой стороны: боясь угодить в саморекламу, письма я посылаю частно. О моей борьбе с публичностью, о моих страданиях из-за нее, конечно, никому в голову и не приходит. А сколько трудов стоило мне хотя бы только то, чтобы не выступать на чтениях, концертах и т. п. – но разве кто-нибудь это заметил? Тем более что стоит какому-нибудь полупроходимцу поставить меня на афише или, вопреки прямому запрещению, упомянуть меня в числе сотрудников, и дело готово: проходимцу охотно верят и – не участвуя, я участвовал. Невыносимое для меня, назойливое любопытство толпы было одной из причин, заставивших покинуть город; и теперь из страха того же любопытства я вынужден почти совсем не посещать театров, выставок, всех мест, где собираются люди и где я также побыл бы с удовольствием. На выставки я хожу перед закрытием, когда никого не бывает, – но как быть с другими местами.

Моим недостатком, скорее, является именно страх перед публичностью, намек на шум, чем обратное. Я не бываю ни на юбилеях, ни на похоронах, ограничиваясь лишь необходимыми приветствиями или венками; я не заседаю торжественно, не выступаю с лекциями, заявлениями, письмами в редакцию. Я не имею ни приятелей репортеров, ни приятельских редакций, не даю в газеты по три пасхальных рассказа, не участвую в анкетах ни в русских, ни в заграничных, ни разу в жизни не был на борьбе... Отчего я не спрятался от кинематографа? Оттого, что люблю фотографическое дело, кинематограф считаю вещь серьезной и важной [Б. п. 1909. № 853, с. 9]²³. Отчего не прячусь в земле от репортеров? Оттого, что не

²³ В. В. Воровский писал об этом: «На днях г. Леонид Андреев, как повествуют газеты, отправился со своей семьей в петербургский кинематограф “Сатурн”, где на экране демонстрировалась в снимках его собственная частная жизнь за день.

<...> Леонид Андреев остался, говорят, очень доволен самим собой на экране.

Всё это весьма интересно, назидательно, а главное, весьма характерно.

Человеку приятно бывает посмотреть на свою жизнь со стороны. <...> И интерес этот безобидный, вполне понятный, если можно так выразиться, здоровый.

И никому не было бы дела до того, что Л. Андреев любит на свое изобретение в кинематографе, или позирует для кинематографа, или “наговаривает” в граммофон, – если бы всё это носило частный характер, домашний характер.

Но горе в том, что Л. Андреев позирует и “наговаривает” не для собственной потехи, а в назидание публики. Его кинематографическое изображение показывается всем, платящим входную плату в “Сатурне”, а граммофонный валик с его «наговором», говорят, поехал даже в Северную Америку.

Л. Андрееву мало, чтобы публика знала его душевную жизнь, отраженную в его произведениях. Он хочет показать ей себя в частной жизни... правда, в специально подчищенной для кинематографа, как подчищают город для приезда влиятельного лица.

могу спрятаться. Я еду неожиданно в Москву, а он уже ждет меня на вокзале. Десять раз спрячусь, а в одиннадцатый попадусь. И говорю я ему или молчу, он всё равно напишет. А иногда, боясь лжи, сам раскрываю рот: вдруг пустят, например, слух, что я недоволен постановкой Художественного театра, и все актеры в обиде – приходится через того же репортера опровергать²⁴. Или: приезжает обшарпанный фотограф и просит: «дайте заработать, позвольте снять дачу». Простите, что задерживаю Ваше внимание на этих мелочах, но думаю, что и для Вас не лишено интереса, как это случилось, что человек, жаждущий тишины, становится объектом шума, а по логике человеческих суждений – и субъектом одного.

Далее: твердо установлено, что я плагиатор. Если относительно «Анфисы»²⁵ и «Тьмы» об этом говорило не больше десятка уличных газет (но в том числе и

Это желание позировать и показываться весьма характерно по нашему времени и, надо признаться, весьма противно.

Какое дело мне, читателю, до того, как Л. Андреев пьет чай, как он гуляет с женой, как он любит своего ребенка. Его частная жизнь есть его частное достояние, прикасаться к которому постороннему человеку не позволяет чувство уважения к своей же частной жизни; и только нездоровый интерес скандала может поднять ротозейную толпу любоваться тем, как «знаменитый» писатель обедает или пишеварит после обеда у себя на террасе» [Кентавр, 1909, № 534, с. 2].

²⁴ Ср.: «Неприятно действуют на Л. Н. и все газетные разговоры об его якобы недовольстве постановкою “Анатемы” в Москве.

– Художественный театр, – говорит он, – настолько большое художественное явление, отношение к делу там настолько серьезно и добросовестно, что легкомысленное и огульно-голословное “недоволен” прямо было бы нелепостью. Можно говорить о некотором “несогласии” наших взглядов на постановку, – но это совсем другое дело» [Б. п. 1909. № 882, с. 14]; «В. И. Немирович-Данченко получил от Леонида Андреева письмо, в котором автор “Анатэмы” просит передать его благодарность всем лицам, принимавшим участие в постановке этой пьесы» [Б. п., 1909, № 197, с. 3].

²⁵ Очевидно, имеется в виду заметка «Происхождение “Анфисы”»: «Сотрудник московской театральной газеты “Новости сезона” рассказывает следующий любопытный факт о происхождении пьесы “Анфиса”:

“Благодаря любезности лица, связанного тесными узами с Леонидом Андреевым, я узнал, что сюжетом пьесы ‘Анфиса’ послужил факт из жизни семьи, живущей и сейчас под Москвой. Но в жизни все это несколько проще, чем у Андреева. Герой имеет детей не только от жены, но и от сестры жены, и все уживаются вместе и, кроме того, у него роман и с третьей сестрой, самой младшей... В пьесе всё это не так резко, грубо... Автор смягчил тона. И в пьесе герой находит возмездие: он почти сознательно принимает яд от второй сестры. В жизни до яда не дошло, и все мирно и припеваючи живут, нисколько не вникая в житейскую драму, их окутывающую» [Б. п., 1909, № 872, с. 8]. Андреев отвечал: «Л. Андреев опровергает, будто сюжет для своей “Анфисы” им взят из истории одной семьи, “живущей под Москвою”, где будто бы почти целиком разыгралась история Костомарова. В беседе с сотрудником “Бирж. вед.” Л. Андреев сказал, что это сообщение – чистейший вздор.

«Русские ведомости», хотя и с обычною своею осторожностью), то касательно «Анатэмы» о плагиате кричала вся Россия. Меня так и называли «вором». Что из того, что «Анатэма» задуман и начат мною больше 10 лет назад, – я об этом молчал, а большие газеты, вообще не-уличная пресса, тоже... молчала. Ведь молчит же она и теперь, когда цензура нагло запрещает «Океан».

Было бы легкомысленной попыткой – пробовать исчерпать всю ту грязь, инсинуации, клеветы, которые составляют мою ежедневную пищу. И о том, что я пишу пьесы только для сборов (имея на одну разрешенную две запрещенных), и о моем многописательстве, и о том, что книги мои не идут («Русские ведомости»), и о том, что я оклеветал студентов, революционеров, народ, и о том, что смертью жены я пользовался для рекламы [см. Гуревич, 1909, № 234, с. 5]²⁶.

– Никакой такой семьи я не знал. “Анфиса” написана ничуть не иначе, чем пишутся все такого рода вещи. Конечно, частные штрихи взяты и оттуда, и отсюда из жизни, но комбинация их совершенно не зависит ни от каких житейских историй» [Б. п. 1909. № 882, С. 14].

²⁶ В. П. Буренин писал: «Возьмите наиболее фиглярствующего из теперешних ломак мнимого новаторства – г. Леонида Андреева и наиболее шарлатанское из последних произведений этого ломаки – “Жизнь человека”. Г. Андреев называет эту пьесу “представлением в пяти картинах”, но, кажется, ее вернее было бы назвать балаганной пародией Метерлинка в пяти лубочных мараньях. Ломанье и фиглярничание прославленного автора <...> начинаются еще прежде самой балаганной трагедии: г. Леонид Андреев заявляет перед публикой: “светлой памяти моего друга, моей жены, отдаю эту вещь последнюю, над которою мы работали вместе”. Из этого заявления публика должна заключить, что супруга г. Андреева принимала участие в его литературных работах и что она умерла. Публика, конечно, готова поверить автору, готова, пожалуй, даже признать, что покойница вполне заслуживает “светлую память”. Но какое, однако же, до этого дело публике? Для чего г. Андреев посвящает ее так сказать в свои семейные тайны? Сочинял ли г. Андреев свои “вещи” вместе с покойной супругой, будет ли он сочинять новые с теткой или родной бабушкой – для публики это решительно всё равно, и извещать об этом нет никакой существенной необходимости. Но г. Андрееву не терпится: ему хочется придать особую “интересность” своей работе, и вот он готов даже покойницу эксплуатировать для фиглярской цели: ей, мол, всё равно, она уже мертвая, а я живехонек и поломаюсь “светлой памятью” моей супруги» [Буренин, 1907, № 11296, с. 3]. См., впрочем, возражения подобным критикам: «Читая критику об Андрееве, и именно ту, которая стремится, с одной стороны, доказать несостоятельность Андреева как художника и, с другой, – вредное влияние его на современное русское человека, <...> не выработавшего в себе определенного мирозерцания и твердых убеждений, <...> невольно задаешь себе вопрос: к чему всё это пишется? Чего хотят критики? Чтобы Андреева не читали, или – чтобы Андреев перестал так писать? Очевидно, чего-нибудь из двух, – иначе зачем же тратится столько душевного жара? Не ради же одного писания?»

Возникают эти вопросы в виду того, что критика не достигает своей цели: она остается сама по себе, а читатель сам по себе, т. е. продолжает читать, любить и восторгаться прекрасным дарованием Андреева. Не дай Бог, если бы читатель именно был таким

Прочтите брошюрку Доброхотова «Карьера Леонида Андреева»²⁷ – она покажет Вам, до каких высот поднимается в России клевета.

Повторяю, – каждый из этих ударов не может причинить серьезного вреда (хотя на днях только один из таких ударов довел человека до самоубийства),

неразумным младенцем, каким его представляют себе критики, – сколько бы он потерял, не читая Достоевского, Чехова, <...> Андреева и других великих провидцев, гением мысли своей освещающих пути к истинному прогрессу и совершенству человечества» [П. С. (Владимирская), 1908, № 20, с. 2].

²⁷ Доброхотов писал, что литературный успех Андреева только на 10 % обеспечен талантом писателя, остальное зависит от «психологии толпы». Андреев «писатель большой малосознательной публики, этого, по выражению Саллюстия, “сборища, жадного до новшеств” (multitudo, cupida rerum novarum), писателем толпы, поверхностно схватившей в какие-нибудь пять лет и забавляющейся, как лакомым блюдом, экономически, философскими и религиозными настроениями, начиная с доктрины Маркса и кончая неохристианством и культом Адониса.

Для такой неглубокой публики и самым подходящим писателем является неглубокий, популярный, покладистый Л. Андреев, обладающий счастливой способностью все возвышенный доктрины мировых друзей человечества низводить на степень опошляющего понимания простецов» [Доброхотов, 1909, с. 11].

В раздувании славы Андреева отчасти виноват и Михайловский: «Вторым этапом известности Л. Андреева послужила краткая благоприятная библиографическая заметка об его книжке рассказов, данная покойным Михайловским в “Русском богатстве”. Заметка эта вовсе не носила восторженного характера, а только снисходительно отмечала, что рассказы молодого беллетриста местами недурны.

Но в те времена Михайловский был альфа и омега русской критической литературы; его мимолетные слова подхватывались налету, комментировались, интерпретировались и раздувались до невозможности.

Поклонники и радетели Л. Андреева из незаметного скромного отзыва, сделанного тогдашним критическим корифеем, состряпали целую Илиаду литературных доблестей Андреева.

Большая публика, которая самого отзыва в подлиннике и не читала, поверила газетным интерпретаторам этого отзыва, по толкованию которых Михайловский видит де в Андрееве восшедшее светило» [Доброхотов, 1909, с. 6]. Речь идет о статье: Михайловский, 1901.

В защиту Андреева выступил журнал Шебуева: «Теперь Леониду Андрееву крышка, – ложись и помирай.

Некто Анатолий Доброхотов убил его „Этюдом о популярности, арлекинах и толпе“ под заглавием „Карьера Леонида Андреева“.

Он доказывает, что Андреева сделала реклама и то, что его фамилия начинается с буквы А.

Что же касается до новых слов, то это ерунда» (Б. п. 1908, № 10, с. 10).

некоторые выходки просто смешны – но ведь и щекоткою можно довести до смерти. И меня довели до серьезной болезни, до невозможности работать (что, пожалуй, не лучше смерти). Теперь я несколько примирился со своей участью, но были дни, и не особенно давно, когда я так же, как и этот несчастный художник, стоял перед вопросом о самоубийстве. И только глубокая уверенность в своей правоте дает мне силы переживать эту дикую травлю и надеяться, что я еще вернусь к единственно мне дорогому: к работе.

Что же делала не-улица в то время, как улица, цензура, попы травили меня? Не-улица... либо молчала, либо поддерживала травлю с другой стороны, уверяя, что я нахожусь в любовном сожительстве с той самой улицей, которая органически ненавидела меня. И доказывала это не на основании моих работ, единственно допустимого, а руководствуясь как раз тем шумом травли, который подняла вокруг меня улица.

Здесь я позволю себе перейти к Вашему письму.

Честный писатель, сознающий высоту своего призвания, познается по тому, что он пишет и где он печатается. О моем писании – я смею быть уверенным в этом – нам спорить не придется: были у меня вещи совсем слабые, несерьезные и даже совсем дешевые, но не было за 13 лет ни одной строки, где я не только отступал бы от тех заветов, которым служите и Вы, но просто прислуживался бы <к> улице. Тот же первый том, о котором говорит г. Горнфельд, который написан мною в самом зеленом начале, твердит об одном: о вражде к улице. И если Мережковский пишет, что «Тьма» реакционное произведение²⁸, а Амфитеатров добавляет, что я оклеветал революционеров²⁹, то Спиридонова пишет с каторги, что нигде еще революционер не поднимался на такую высоту, как именно в «Тьме»³⁰. Во всяком случае, даже это разногласие, в котором врагами моими являются такие несерь-

²⁸ Ср.: «Если бы Андреев был последователен и правдив до конца, – он отрелся бы от революции и предался бы реакции. В самом деле, к чему революция, борьба за свободу, когда никакой свободы нет, а есть только беспощадная и бессмысленная необходимость – «круг железного предначертания» – для человечества то же, что кольцо, продетое сквозь ноздри быка, которого ведут на бойню?»; «Это и значит: долой революцию, долой солнце свободы! Да здравствует “тьма”, да здравствует реакция!» [Мережковский, 1908, № 1, с. 96, 97].

²⁹ Ср.: «И – в самом деле – каких же еще литературных оппозиций должно ожидать оклеветанное движение, одним из лучших якобы представителей которого “дружески” рекомендуется такая грязно-похотливая, низменно самолюбивая тварь, как “Санин”, и типическим героем которого г. Андреев представляет почтеннейшей публике стоящего на Маркушиной стезе господина из “Тьмы”? Хуже-то ведь ничего и выдумать нельзя на революцию. У времени нет и не может быть потребности в Маркевичах, Стебницких, Крестовских и Ключниковых, если роли их бессознательно берут на себя вдесятеро талантливейшие Андреевы п Арцыбашевы»; «Ведь во всей этой “Тьме” нет момента правды. Солгано всё. Не было таких революционеров. Солган. И нехорошо солган этот революционер» [Амфитеатров, 1908, с. 181, 185].

³⁰ Мнение М. А. Спиридоновой не обнаружено; но Якубович в рецензии на альманах «Шиповник» (сборник III. СПб., 1908) дал высокую оценку «Тьме» [Б. п. 1907, № 12, с. 172, 174].

зные люди, как Мерезковский и Амфитеатров, не дает ни малейшей возможности квалифицировать меня как героя улицы. В моих писаниях я безупречен.

Но тут есть один еще весьма распространенный упрек, касающийся не направления моих работ, а внешнего характера их, – небрежности в письме, непродуманности, многописательства, сдавания в печать вещей не готовых. Меня осуждают, что я «небрежно» и даже преступно, в погоне за внешним успехом или деньгами, отношусь к своему таланту.

Это неправда. Все недостатки моих работ (а я знаю их больше, чем мои критики) объясняются недостаточностью моих средств. Я еще учусь работать; и если некоторые свои вещи, наиболее удачные, я пишу очень быстро, то над другими работаю до седьмого пота – и как раз эти последние обычно выдерживают нарекания за спешку и небрежность. Обдумываю вещи по несколько лет, печатаю только тогда, когда прихожу к уверенности, что лучше написать не могу. Когда я почувствовал, что некоторое внутреннее колебание, печаль и расстройство, которые я переживаю, могут отразиться на моей работе, я на год отказался от нее, хотя это привело мои дела в очень грустное состояние. У меня есть вполне законченные вещи, которые я не печатаю единственно потому, что мне они не нравятся – другие одобряют их.

Одно верно: я тороплюсь. Но причина не в легкомыслии моем, а в том, что короткой жизни моей не хватит и уже не хватает на выполнение всего задуманного, дорогого уму, близкого сердцу. Некоторые темы я отдаю, но не могу отдать важных, а их так много, что теперь, в пору болезни моей, я с величайшей тревогой смотрю в будущее.

Мое сотрудничество. Постараюсь точно припомнить все органы, где я печатался. Начал я: «Курьер», «Московский вестник». Потом: «Жизнь», сборники «Знания», «Журнал для всех», «Русское богатство», «Мир Божий», один раз в «Земле», «Утро России», «Шиповник», «Весна», «Сатирикон», «Правда»... кажется, всё. Это за 13 лет. Перепечатавали меня много и почти всегда без моего ведома, просто крали. Два-три раза после жестоких приставаний и мольбы «поддержать», я разрешил перепечатку, но требовал точных дат. Так было с каким-то из «Понедельников». Про объявления меня сотрудником говорить, я думаю, не стоит?

Случай с «Весной». Приезжает ко мне только что выпущенный из тюрьмы мало мне известный <Н. Г.> Шебуев в сопровождении лица, добрым чувствам которого я имел основания доверять, и настойчиво просит поддержать: выпускает хороший журнал, средств нет, людей нет. У меня ничего не было, но просьбы были так настойчивы, что я дал отрывок из ненапечатанного рассказа. И так как в ту пору процветала порнография, то я взял слово, что журнал в этом отношении будет абсолютно чист. Шебуев не только слово дал, но добавил, что журнал ставит одной из своих задач именно борьбу с порнографией. И вот: в первом номере появился мой отрывок [см. *Андреев*, 1908, № 1, с. 4.], а второй уже был конфискован за порнографию³¹. Я в резких выражениях письменно отказался от сотрудничества.

³¹ Сведения о конфискации 2-го номера «Весны» за 1908 г. отсутствуют, и номер этот известен. Однако в № 5 в ответ на критические статьи против «Весны» Е. Н. Чирикова и Ю. Александровича были опубликованы статьи «Весна» Н. Шебуева и «Штаны без мальчика» Сергея Городецкого. Предвосхищая в известном отношении статью Пешехо-

Могу рассказать еще один недавний случай. Доверяя «Сатирикону» (это еще было до вакханалии юмористов), я согласился участвовать в «Синем журнале» – но после первых же номеров с негодованием взял свое согласие назад.

нова, Шебуев, в частности, возражал Чирикову, цитируя его текст (цитаты приводим курсивом): «Я в памфлете “Оргиасты” и в статьях “Пол умер”, “Похороны пола” проводил те же мысли, что и сейчас, – спустя год! – г. Чириков:

Было время, и не так давно, когда изящная литература, как стыдливая прародительница, прикрывалась поясом многоточия в таких моментах, когда приближалась к интимнейшим сторонам человеческой природы. (Наши прародители, не имевшие еще повода бояться приличий и общественного мнения, все-таки почувствовали потребность надеть пояса из листьев...) Что же касается разных “отклонений” в этом отношении, то они были предметом не изящной литературы, а по преимуществу – половой психопатии.

“Мальчики в штанах” устроили “Весну”. Штаны сбросили, многоточие уничтожили и д-ра Крафта Эбинга сделали настольной книгой для своего вдохновения. Под видом “половых проблем” они стали преподносить скучающему читателю половые непотребства, называя это “выявлением” сокровенных тайн половой проблемы... В этом отношении “мальчики без штанов” оказались левее Баркова...

Мальчики в штанах как только заметили, что “идти вперед и выше” значит никуда иначе как в участок, торопливо их скинули и очутились в политике без политики, в литературе без направлений и только с одними половыми проблемами...

Волна проблем этих идет “вперед и выше”. Даже некоторых целомудренных, молодых беллетристов коснулась эта волна своими брызгами. Писатель Гусев-Оренбургский, ходивший до сих пор, как следует, т. е. в штанах, озираясь на молодых мальчиков без штанов, почувствовал искушение: “почему и ему, Гусеву-Оренбургскому, если не совсем снять штаны, то хотя спустить их? Так, до колен, примерно?..” Сделать это было нелегко: “молодые” использовали большинство тем в этой области...

Дальше уж идут дела семейные.

Чирикову страшно хочется, чтобы Гусева-Оренбургского привлекли по 1001 статье.

Немолодой автор, отринув многоточия скромности, превратился в самого “молодого”, даже, можно сказать, перемолодил: на целой странице автор описывает нам красоту полового акта, которую пришлось наблюдать батюшке из-за занавески, в результате чего он и превратился в “левее каде”... Это уже бессердечно: ставить матушку с батюшкой и рыжего семинариста с читателем в такое ужасное положение!.. Сперва я ломал себе голову, не имеет ли это бесстыдное описание какого-нибудь отношения к первобытному хаосу, но потом понял, что это просто автор хотел побыть “мальчиком без штанов”...

Не такие лета, сотоварищи!.. Да, пожалуй, и не по сезону... Поздновато... Видимо, и молодым мальчикам скоро придется одеться и застегнуться... Есть в воздухе некое веяние, говорящее о приближении окончания бесштанной весны...

Уж если после этого Гусева не привлекут, так значит фельетон Чирикова совсем не талантлив, не удачен» [Шебуев Н. 1908, № 5, с. 6].

В этой статье Шебуев упоминал и Андреева, что, видимо, и вызвало протест последнего: «Это значит, что раз вещь талантлива и интересна, она найдет место в картинной галерее “Весны”».

Вот и всё. Может быть, были и еще случаи, когда я был обманут именно потому, что отношусь к людям с доверием и уважением, – но быть обманутым при таких условиях до сих пор не считалось преступлением.

В Вашем письме, помимо ссылки на Вашу же давнишнюю статью, которая, конечно, не может служить доказательством, а также на мою телеграмму Ясинскому, о которой я уже говорил (повторяю, в настоящем я считаю Ясинского хорошим человеком и крупным художником) – есть еще одно очень странное указание: на тот случай, когда я безо всякой вины с моей стороны, единственно в силу моего доверия к людям и доброты, чуть не был застрелен. Но здесь я буду краток – от гиперостезии. Здесь бессознательная и сознательная травля достигает фантастических размеров. Простой смысл события: близость смерти, моя болезнь, чувство незаслуженного оскорбления, волнение близких – всё теряется, всё забывается перед вопросом: в какой газете появилось подробное сообщение. «Вы поспешили с ним на улицу, под защиту уличной газеты и держали себя – скажу и это – по-уличному». Так пишете Вы. Я Вас считаю, Алексей Васильевич, честным человеком, и убежден, что наступит время, когда Вы ближе узнаете все обстоятельства дела – и тогда Вы покраснеете от стыда за эти слова, как краснеют честные люди, совершив по ошибке дурное и злое. <...>

Еще несколько слов. Да, если я такой, каким я себя сознаю и знаю, – есть улица, то улица не так плоха, и мой читатель вправе подумать это. Что же касается традиций и целого ряда имен в прошлом, то я уверен – не оттуда мне

Да, это картинная галерея, в которой развешаны картины разных школ.

Стильная, мистически красивая картина кисти Леонида Андреева “Царь” висит рядом с не менее стильной картиной из древнерусского быта Юрия Беляева “Скоморохи”.

А рядом полный юмора шарж А. И. Куприна “Последнее слово”...

А рядом пушкинской школы стихи М. Кузмина...

И тут же столь ненавистный г. Александровичу “модернист” Н. Гумилев, хотя по письму его “Дочери Каина” – вещь старой, слегка даже засушенной школы.

Чирикова изумляет:

“Сегодня – Кузмин, завтра Григорий Петров”...

Как будто не в десятках изданиях Кузмин и Григорий Петров (грешник и праведник!) встречались.

Как будто вот сейчас Кузмин и Андреев не сотрудники одного и того же журнала “Сатирикона”, одной и той же “Эпохи”, сотрудниками которой имеем честь состоять и мы с вами, г. Чириков.

Журналисты чересчур привыкли быть рабами и привыкли работать, применяясь к журналу» [Шебуев Н. 1908, № 5, с. 6].

Тут же укажем, что пародии на Андреева опубликованы в ряде номеров «Весны»; см., в частности: Горный Сергей. Холерный альманах (Из альбома пародий): 1. Л. Андреев // Весна. 1908. № 3. С. 10; Альбом Фрицхен. Идеальный тип женщины. Л. Андреев (Бездна ужаса...) // Весна. 1908. № 5. С. 10.

ждать осуждения. Люди с большой совестью легче поймут и оценят жизнь, которая началась в страдании, продолжалась в страдании и в страдании окончилась. И для людей с большой совестью тех моих страданий, которых стоили мне «Семь повешенных» или «Красный смех», чуть не сведший меня с ума, или любая мой вещь – будет достаточно, чтобы по-настоящему оценить и мое участие в «Весне», и даже «печальный случай в семействе»³².

Пешехонов отвечал 12 мая 1911 г.:

Получив Ваше первое письмо, я испытал – пишу опять совершенно откровенно – чувство удовлетворения от того, что моя статья несколько задела Вас. Не тем, конечно, я был удовлетворен, что причинил Вам неприятность (это для меня очень тяжело), а тем, что мне удалось на этот раз привлечь Ваше внимание к явлению, которое я считаю важным, и к Вашему участию в нем, как это участие представляется стороннему наблюдателю.

Совсем иные чувства пробудило во мне Ваше второе письмо. Оказывается, что задевать Вас не было даже необходимости. Вы открыли мне такую сторону Ваших отношений к «улице», которой я совершенно не знал и которая не могла быть мне известна. В качестве наблюдателя я видел ведь перед собою такую картину: Андреев, начиная детской его дома и кончая его литературными замыслами, вытащен на улицу, порою его приходится видеть в довольно пестрой и даже непривлекательной компании. Конечно, это происходит с его ведома и, вероятно, даже согласия, – во всяком случае без его протеста. Можно даже было думать (по человечеству ведь это понятно), что пребывание на улице доставляет Вам в некоторых отношениях даже удовольствие. О том, что это причиняет Вам страдание, что в одном случае Вас вытащили насильно, в другом – обманом, в третьем – воспользовались Вашею корректностью, в четвертом – Вашим добрым сердцем и т. д. – об этом трудно было догадаться. Протесты же, о которых Вы упоминаете, все были негласные.

Можно было, конечно, на этой картине не останавливаться. И я, вероятно, прошел бы мимо, если бы, с одной стороны, она не бросала некоторую тень на Ваше творчество, а с другой – и это главное – если бы отношения между «улицей» и литературой, взятые в целом, не представляли в высшей степени серьезного общественного явления. В качестве публициста я считал себя нравственно обязанным писать об этом явлении и, конечно, должен был считаться с фактами в том виде, в каком они доступны общему наблюдению.

Я несколько сожалел, что наше теперешнее объяснение отлилось в форму частной переписки. Ваш протест опять останется никому неизвестным. Между тем важно ведь не меня только убедить, но и рассеять недоразумение в публике, которая вправе считать Вас не случайно и не внешне только, но сознательно и духовно связанным с некоторыми явлениями последних лет в литературе. Давно уже чувствуется потребность в большей определенности с Вашей стороны, и об этом, опираясь на наш случайный разговор у Елпатьевского, года 1 ½ тому назад, я даже писал Вам (не знаю, получили ли Вы то письмо).

³² РГБ. Ф. 225. Карт. 2. Ед. хр. 9. Л. 3–7.

В своем письме Вы сетуете, что не-уличная пресса не заступилась за Вас, что она «либо молчала, либо поддерживала травлю с другой стороны». Но мне кажется, Леонид Николаевич, что тому мешала некоторая неясность ввиду указ<анных> обстоятельств Вашей позиции, а с др<угой> стор<оны>, никто не мог ведь считать Вас человеком, находящимся в положении «униженного и обиженного», который нуждается в заступничестве. У меня, по крайней мере, лишь раз явилась потребность вступить за Вас ввиду Вашего отсутствия, и это было не в литературе. Что касается «травли», то не чересчур ли Вы преувеличиваете ее размеры? Не принимаете ли Вы за травлю серьезные и добросовестные мнения, высказанные с надлежащим уважением к Вашей личности, как писателя и человека? Мне кажется, что в силу излишней мнительности, Вы видите недоброе даже там, где его безусловно не было... С другой стороны, не чересчур ли большое значение придаете Вы брани, слышной подчас на улице. Уличной травле, как и уличной славе, цена ведь не большая, хотя бы потому уж, что одна очень легко переходит в другую. Между тем Вас волнуют, по-видимому, такие вещи, которым никто не придавал серьезного значения и которые весьма давно забыты. Вы упоминаете еще попов и цензуру... Но ведь это политическая борьба, и едва ли есть резон Вам все удары с этой стороны принимать на свой личный счет. Всех ведь нас бьют... И у каждого, кто не уклоняется от этой борьбы, может быть только одно желание: ответить ударом еще более сильным. Волноваться же по поводу этой «травли» человеку, который уверен в своей правоте, едва ли стоит³³.

После этого письма Андреев предпринял попытку встретиться с Пешехоновым лично. Сохранилась запись Пешехонова:

23/V 1911 г. Л. Андреев через Михайлова (из «Прометей») спросил, может ли он застать меня в 8–9 ч<асов> вечера 24-го. Я ответил, что буду дома только в начале 10-го, так как едем искать дачу. Свидание, однако, не состоялось: с извозчиком Андреев прислал письмо³⁴.

Андреев писал 24 мая 1911 г.:

Приезжал в С<анкт->П<етер>б<ург> с целью повидаться с Вами – и сейчас не могу поднять головы от мигрени. Если заставил ждать себя – простите. В городе у меня часто такие истории.

Приду в другой раз, может быть, на днях, и только тогда позвоню, когда с уверенностью и без головной боли буду стоять на пороге³⁵.

Посещал Андреев и Горнфельда. К. И. Чуковский писал в дневнике:

...он рассказывал, как Андреев был у него – предлагал подписать какой-то протест. «Я увидел, что его не столько интересует самый протест, сколько то,

³³ РГБ. Ф. 225. Карт. I. Ед. хр. 36. Л. 1–2; черновой автограф.

³⁴ РГБ. Ф. 225. Карт. I. Ед. хр. 36. Л. 6.

³⁵ РГБ. Ф. 225. Карт. 2. Ед. хр. 9. Л. 3.

что в том протесте участвует Бунин» (3 ноября 1919 г.) [Чуковский, 2013. Т. 11, с. 259–260].

Недавно Горнфельд рассказывал мне, что такой же визит <ранее речь шла о посещении Андреевым С. А. Венгерова> Андреев нанес ему. И тоже – нежный, почтительный тон. Он любил тон товарищеский. <...> Но хватало пороху только на три дня, потом надоедало, он бросал (16 марта 1922) [Чуковский, 2013. Т. 12, с. 18].

В дополнение к этой переписке Андреева с Пешехоновым следует привести воспоминания Чуковского, который неоднократно сопоставлял Короленко и Андреева:

Ездил он в город в определенные дни, и, когда вместе с толпой пассажиров ожидал поезда на станционной площадке, он ничем не выделялся из толпы, и я не помню, чтобы хоть один человек узнал его и сказал бы другому:

– Боже мой!.. Ведь это Короленко!

И было невозможно не вспомнить, что в нескольких километрах отсюда, по этой же Финляндской железной дороге, жил очень мучительной жизнью другой знаменитый писатель, Леонид Николаевич Андреев, и как был не похож его быт на жизненный стиль Короленко! Даже нарочно не выдумаете такого контраста! Андреев был жертвой своей собственной славы. Его имя беспрестанно трепали газеты. Газетные репортеры ежедневно осаждали его: прельстившись их громкой шумихой, он уже не мог обойтись без нее и страдал, если она замолкала [Чуковский, 2012, Т. 5, с. 8–9].

20 июня 1910 г. Андреев приезжал к Короленко в Куоккалу:

Был Андреев у Короленка: приехал часов около семи. Никакого исторического события не вышло. Нудный Елпатьяевский был со своим сыном и племянником, Кулаков, – Андреев долгожданный с женою и с Николаем Николаевичем на террасе. Все смотрели на Андреева, хотели слушать Андреева, а Короленко стал рассказывать один свой рассказ за другим: о комете, о том, как он был в Сербии, и т. д. Андреев ни слова, но, очевидно, хмурый: он не любит рассказов о второстепенностях, он хотел говорить о «главном», хотел побыть с Короленкою наедине, но ничего не вышло [Чуковский, 2012, Т. 11, с. 164].

И об этой же встрече – в воспоминаниях:

Но вот всему дому каким-то образом стало известно, что в ближайшее воскресенье к Короленко собирается приехать с визитом его знаменитый сосед Леонид Николаевич Андреев. В ту пору Андреев был все еще на высоте своей славы. «Красный смех», «Черные маски», «Царь-Голод» были, как говорится, у всех на устах. Незадолго перед этим появился его бьющий по нервам «Рассказ о семи повешенных», который был воспринят читателями как протест против столыпинских виселиц.

Короленко, насколько я помню, любил ранние произведения Леонида Андреева, но к позднейшим относился скорее враждебно: слишком уже разные оказались в ту пору у обоих писателей темпераменты, литературные вкусы, сюжеты, цели. Леонид Николаевич хорошо это знал и сам не питал к Короленко особенно сильных симпатий, но у него до конца его жизни бывали внезапные приливы любви к самым неожиданным людям, перед которыми он жаждал излить всю свою тоску одиночества. <...>

У калитки сами собою возникли фотокорреспонденты, газетчики, узнавшие о предстоящем литературном событии. У забора на пыльной дороге появились разодетые дачницы, явные поклонницы Леонида Андреева. <...>

Обещал Леонид Николаевич приехать к чаю. Но вместо него примчался на финской тележке потный, растрепанный, смазливый, волосатый студент, учитель его сыновей, и, запыхавшись, сказал, что у Леонида Николаевича разыгралась мигрень и он вынужден отложить свой визит.

Не успел Короленко выразить свое сожаление, как примчался другой гонец:

– Леониду Николаевичу лучше, и он все же постарается приехать.

– Вот и чудесно! – сказал Короленко и хотел возобновить разговор, но в калитку протиснулись два репортера и возбужденно сообщили:

– Он едет!

Короленко молча воззрился на Анненского. У Николая Федоровича был магический талант выпроваживать незваных гостей. В обращении с ними он становился особенно учтив и покладист и мягко, деликатно, без шума выполнял свою многотрудную миссию. На этот раз не прошло и минуты, как он выставил пришельцев за калитку, улыбаясь им самой приветливой улыбкой.

Потом вбежала какая-то пунцовая дама и, не знакомясь ни с кем, сообщила:

– Приехал!.. Уже вышел из вагона... здесь... на станции!

– Очень рады, – сказал Короленко. И никогда еще я не видел так явственно, чтобы суетной, суетливой и мучительно тягостной жизни Леонида Андреева была противопоставлена такая спокойная, здоровая душевная ясность. <...>

Стал накрапывать дождик. Мы перешли на террасу. Вместо пяти часов Леонид Николаевич, томный, эффектно красивый, больной, приехал в начале седьмого.

С первой же минуты я понял, что никакого сближения между ним и Короленко не будет.

В сущности, Андреев очутился во враждебном лагере. Дело было даже не в том, что и Короленко и Анненский возглавляли журнал, где в последнее время сурово осуждалась андреевщина: оба редактора были значительно шире узкой программы руководимого ими журнала. Но вся обстановка сложилась не та, какую рассчитывал найти Леонид Андреев.

Он жаждал нервических, надрывных излияний, длинных ночных монологов, обнажающих его «тайное тайных» во вкусе Мити Карамазова или Раскольниковова. А его усадили за общую семейную трапезу – рядом с Елпатьевским, который говорил о чем-то своем, потом Короленко, как любезный хозяин, счел долгом рассказать несколько интереснейших случаев из своей жизни в Румынии. Рассказа-

зывал он, как всегда, превосходно, со множеством колоритных деталей, но Андреев, слушая его, очень скоро увидел, что в такой обстановке не будет никакого простора для его излюбленных ночных излияний, сразу заскучал и нахмурился, стал прикладывать пальцы к вискам и, почувствовав новый припадок мигрени, поторопился уехать к себе в Ваммельсуу...

– Нет, он все-таки хороший человек, – сказал Короленко, словно возражая кому-то. – Очень, очень хороший... и милый.

– Но странно, – сказала Татьяна Александровна, – вот он и знаменитый, и молодой, и красивый, а жалко его почему-то.

И все заговорили о другом [Чуковский, 2012, Т. 5, с. 24–26].

Весьма интересно, что Чуковский противопоставляет Андреева и Короленко не задним числом; то же самое мы находим и в статье 1908 г.:

И вот что странное приходит в голову. Сейчас в России есть писатель, который как бы взял патент на ужасное и трагическое, – Леонид Андреев. В «Мысли» он вывел трагедию познания, в «Красном смехе» – трагедию войны, в «Жизни Человека» – трагедию смерти, в «Проклятии зверя» – трагедию города, в «Царе-Голоде» – трагедию голода, в «Так было» – трагедию власти, в «Жизни Василья Фивейского» – трагедию веры и т. д. и т. д. – Трагедию города? – Могу! Трагедию голода? – Могу! Трагедию власти? – Могу! Трагедию страсти? – Могу! Трагедию веры, познания, бытия? – Чего угодно, всё могу. С ужасами и без...

И публика не торгуется, валом валит, нарахват покупает, – но вы вот на что обратите внимание. Чем больше Андреев сочиняет трагедий, тем яснее и яснее становится для всех, что у него, у самого, нет и не может быть никакой своей собственной трагедии. Иначе все эти ужасы не сыпались бы из него, как из мешка, а был бы у него какой-нибудь один, постоянный ужас, какая-нибудь одна, постоянная, трагическая тема.

И здесь громадное поле для интереснейших выводов. Почему тот, кто отталкивается от ужаса и отрешивается от трагедии, и вечно влечется к идиллическому, – наиболее трагичен из всех современных художников? А тот, кто шагу не может ступить без десятка различнейших трагедий, кто торгует ужасами оптом и в розницу, – безмятежен и весел, как дитя? И почему эти два крайние полюса человеческой психики, – Короленко и Леонид Андреев, – должны были столкнуться в одну эпоху? И что знаменует это столкновение для нас? Один судорожно убегает от ужаса, другой судорожно прибегает к нему – и там и здесь судорога, и мы либо с тем, либо с другим, и вся современная жизнь, и вся современная литература либо с тем, либо с другим. Середины для нас нету – и скоро ли будет середина? И будет ли? И что нужно сделать, чтобы она была? Ведь не бегал же Пушкин ни от ужаса, ни к ужасу, и Тургенев не бегал, и Толстой. Они ровным шагом проходили по жизни, – и чего бы теперь мы не отдали за этот ровный их шаг! [Чуковский. 1908, № 9, с. 139].

Пешехонов и Чуковский не относили самого Андреева к писателям «улицы», массовой культуры. Но в литературном поведении его они отмечают признаки «улицы». И как бы Андреев ни отрешивался от этих признаков, они

довлели ему, и избавиться от них он не мог. Данную ситуацию можно истолковывать как выражение намерений самого Андреева, которые он хотел прикрыть благовидными мотивами. Но более справедливо видеть в этой ситуации результат изменения параметров массовой культуры в историческом времени. То, что для одного времени является признаком «улицы», для другого времени оказывается нерелевантным в данном отношении. Для самого же писателя, который оказался между этими двумя мерками, такое положение становится мучительным и безвыходным.

Однако в 1918 г. Короленко сам оказывается в том положении, которое Андреев описал применительно к себе в письме к Пешехонову от 20 апреля 1911 г.: «человек, жаждущий тишины, становится объектом шума, а по логике человеческих суждений – и субъектом оного». Трудно сказать, в какой мере сознательно, но фактически Андреев вернул Короленко и в его лице всему «Русскому богатству» те обвинения в близости «улице», которые предъявляли ему они. Граница между «классикой» и «улицей» всегда подвижна, хотя каждому поколению кажется, что то, что происходит на его глазах, совершается впервые (в известной мере эту границу справедливо было бы назвать фронтиром, который всё время сдвигается в сторону обмирщения, профанизации классики). Именно этот процесс совершался и на рубеже XIX–XX вв., однако авторы «Русского богатства» (Пешехонов и В. А. Мякотин в первую очередь) в силу своей политической ангажированности не хотели (а скорее и не могли) признать закономерности этого процесса, и в этом отношении они были не правы. Если рассматривать «Русское богатства» в исторической перспективе, то оно оказывается наследником «Отечественных записок», а Пешехонов-критик наследником М. Е. Салтыкова. Если рассматривать резкость критических выступлений «Русского богатства» на фоне современной им критики самых разных направлений, то никакой разницы между ним и «Весной» не обнаруживается.

Приложение

Покушение на Леонида Андреева

Из беседы с писателем

Известие о выстреле в Леонида Николаевича Андреева облетело мир с быстротой молнии: уже на второй и на третий день со всех сторон и даже из далекого Нью-Йорка стали приходить приветственные и сочувственные телеграммы.

Весною прошлого года, когда Л. Н. был в Крыму, на дачу писателя явился неизвестный, назвавшийся А. Г. Колбасенко, с просьбой дать ему работы. Работы для него не оказалось, но репетитор сына Андреева студент М. С. Петренко, поговорив с ним, решил его оставить в доме до приезда писателя. Приехав, Л. Н. оставил Колбасенко у себя,

несмотря на полное отсутствие для него работы. Впоследствии же ему были поручены уход за лошадей и машина при водокачке.

Абрам Колбасенко, по отзывам домашних, производил впечатление человека, безусловно честного, но чудаковатого и несколько резкого. Малограмотный, но кое-что беспорядочно читавший, он любил поговорить, порассуждать и при этом с достаточной прямоотой и резкостью выказывал свой нетерпимый и не совсем уравновешенный характер. Это был человек со странностями. Особенную ненависть питал он к женщинам.

К концу лета прислуга начинала приносить на него жалобы. Так, однажды Колбасенко плеснул кипятком в горничную, за что-то рассердившись на нее; старуху-кухарку, которая жила в смежной с ним комнате, он дня по два вымораживал, оставляя печь нетопленой.

На утро двадцать девятого декабря в доме не оказалось воды. Спрошенный об этом дворник заявил, что Абрам воды качать не хочет. К Абраму отправился Петренко, но пришел с известием, что Абрам разговаривать с ним отказался, Колбасенко жил во дворе в комнате рядом с дворницей. Одевшись, Л. Н. вышел во двор и вызвал Колбасенко.

– Здравствуйте, Абрам Григорьевич, – первый начал Леонид Николаевич.

Колбасенко ничего не ответил и молча потупясь ждал. На вопрос, почему он не накачал воды, Колбасенко ответил, что он нездоров.

– Это другое дело, – сказал Л. Н., – раз нездоровы, то не качайте. Но чтобы мне не говорили фразы «он не хочет», – следует в таких случаях сообщать о своем нездоровье.

– Я ничьих приказаний не буду исполнять, – заявил вдруг Колбасенко. – Вы меня оскорбляете.

Колбасенко начал говорить оскорбительные вещи, жаловался на какую-то неблагодарность и ворчал всё более угрожающе – настолько, что Л. Н., по его словам, с полной ясностью почувствовал себя в настоящей опасности. «Положительно, – говорил он, – при каждом шаге я ожидал выстрела в спину и думаю, будь дорога подлиннее, так бы оно и случилось».

В одиннадцатому часу вечера Л. Н. сидел, разбирая бумаги, у себя в кабинете, а внизу в столовой сидели за ужином Петренко, брат его, приглашенный на праздники, студент Семичев, мать и жена писателя. С большой кипой книг вошел в столовую Колбасенко и стал подниматься вверх. В приемной у двери в кабинет его догнала жена Л. Н. и, загородив дверь, сказала, что в кабинет войти нельзя, так как Л. Н. сел работать.

– Пусти! – крикнул Колбасенко.

– Я вас не пушу, – настаивала г-жа Андреева.

С шумом бросив книги на пол, Колбасенко непозволительно грубо изругал г-жу Андрееву. На шум и на испуганный крик жены выбежал в приемную Л. Н., но Колбасенко там не оказалось. Сбежать вниз к сидевшим за столом студентам и узнав, что Абрам сверху не уходил. Л. Н. вернулся и нашел его в соседней гимнастической

комнате, стоящим за большим столом с угрожающе опущенной в карман правой рукой, в позе человека, готового к нападению.

– Что вы позволяете себе делать – крикнул Леон. Ник.

– Вы меня оскорбили...

– Чем оскорбил?

– Вы меня оскорбили.

– Чем? Приведите хоть одно мое резкое слово.

– Вы меня оскорбили. Вы отдадите мне приказания.

– Вон отсюда! – закричал Л. Н.

– Не пойду, ты на меня не кричи!

Л. Н., у которого в последнее время бывали частые сердцебиения, почувствовал себя дурно и едва не упал и, с трудом овладев собою, сбежал и крикнул сидевшим студентам.

– Уберите его! Я сейчас буду стрелять!

– Не пойду – ответил Колбасенко.

И еще раз крикнул Андреев студентам и получил тот же ответ. Тогда, вытянув руку над головой, Л. Н. выстрелил в потолок.

– Так вот тебе – почти в то же мгновение услышал Л. Н. и увидел огонь на уровне глаз...

Стрелял Колбасенко. В наступившей тишине был отчетливо слышен топот ног по ступеням: то убегали студенты.

Внизу с матерью писателя сделался обморок, а вверх поднялась отчаянная борьба: госпожа Андреева схватила поднятую с револьвером руку Колбасенко, он же свободную руку схватил ее за волосы, и оба упали на пол. Бросив свой браунинг, Л. Н. поспешил к ней на помощь, и в течение нескольких минут, показавшихся вечностью, в полутемной комнате на полу боролись только они трое. За это время пробежала только горничная, которая, наклонившись, подняла револьвер Л. Н. и унесла с собой. Чувствуя невозможность бороться дальше, каждое мгновение ожидая выстрела и слыша сдавленный голос Анны Ильинишны (он кусает мне в руку), Л. Н. крикнул:

– Михаил, Семен! Да помогите же!

Первый на зов Л. Н-ча о помощи прибежал Пав. Петренко и, схватив сзади Л. Н-ча, стиснул его так, что он не мог шевельнуться и в течение нескольких мгновений безнадежно смотрел, как на полу продолжали бороться Анна И. и Колбасенко. На крик полузадохнувшегося Л. Н-ча (да пустите же меня) – Петренко отвечал:

– Успокойтесь, Л. Ник., успокойтесь.

И только после долгих усилий удалось Л. Н-чу вместе с державшим его позади Петренко протиснуться в открытую дверь соседней комнаты. Здесь Петренко освободил его, но, когда Л. Н. хотел выскочить помочь жене, он загородил дверь. В это время другой Петренко (репетитор) схватил Колбасенко и освободил А. И-ну, которая и была

втолкнута в ту же комнату, где находился Л. Н-ч. Вслед затем Петренко освободил Колбасенко, который, сохраняя револьвер, беспрепятственно спустился вниз. Дорогою он, схватив какой-то тяжелый предмет, погнался с ним за служащим Андреем, не догнав, бросил им в зеркало, раздробив стекло. Проходя через кухню, он побил посуду и оконные стекла, наводя панику на всю прислугу.

Целую ночь в доме Л. Н-ча не погасал огонь, и все в тревоге решали вопрос о том, как быть с Колбасенко, который сохранял револьвер.

Как известно, спустя несколько дней, Колбасенко был в Петербурге арестован.

Биржевые ведомости. 1911. 12 января, № 9. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Амфитеатров, А. В.** Талант во тьме / А. В. Амфитеатров // Амфитеатров А. Против течения / А. Амфитеатров. – Санкт-Петербург: Прометей. – 1908. – С. 176–203.
2. **Андреев, Л.** Смерть Гулливера / Л. Андреев // Утро России. – 1911. – № 35, 13 февраля. – С. 3–4.
3. **Андреев, Леонид.** Царь / Леонид Андреев // Весна. – 1908. – № 1. – С. 4.
4. **Андреев, Леонид.** Иностранец / Леонид Андреев // Русское богатство. – 1902. – № 12. – С. 51–64.
5. **Андреев, Леонид.** S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / Вступит. статья, составление и примечания Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. – Москва; Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс. – 1994. – 598 с.
6. **Андреев, Л. Н.** Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. – Москва: Наука, 2007. – 805 с.
7. **Андреев, Л. Н.** Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 13: Статьи. 1895–1900. – Москва: Наука, 2014. – 788 с.
8. **Б. п.** Леонид Андреев. Собрание сочинений. Рассказы, очерки, статьи. СПб.: Просвещение, 1911. С портретом автора и вступительной статьей М. А. Рейснера / А. Г. Горнфельд // Русское богатство. – 1911. – № 1. – С. 160–163.
9. **Б. п.** Две карьеры. Карьера Леонида Андреева // Весна. – 1908. – № 10. – С. 10.
10. **Б. п.** Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». III. СПб., 1908 / П. Ф. Якубович // Русское богатство. – 1907. – № 12. – С. 171–175.
11. **Б. п.** Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных. С рисунком И. Е. Репина. М., 1909 / П. Ф. Якубович // Русское богатство. – 1909. – № 1. – С. 158–159.

12. **Б. п.** Леонид Андреев. Анатэма. СПб.: Шиповник, 1909 / А. Г. Горнфельд // Русское богатство. – 1909. – № 10. – С. 156–158.
13. **Б. п.** Леонид Андреев в кинематографе // Обзорение театров. – 1909. – № 853, 23 сентября. – С. 9.
14. **Б. п.** Л. Андреев о перспективной плате // Русское слово. – 1909. – № 6, 9 января. – С. 6.
15. **Б. п.** Опровержение Л. Андреева // Обзорение театров. – 1909. – № 882, 22 октября. – С. 14.
16. **Б. п.** Первые литературные шаги. Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911 / А. Г. Горнфельд // Русское богатство. – 1911. – № 2. – С. 151–153.
17. **Б. п.** Покушение на Леонида Андреева (Из беседы с писателем) // Биржевые ведомости. – 1911. – № 9, 12 января. – С. 2.
18. **Б. п.** Происхождение «Анфисы» // Обзорение театров. – 1909. – № 872, 12 октября. – С. 8.
19. **Б. п.** У Леонида Андреева // Одесское обозрение. – 1909. – № 526, 19 сентября. – С. 2.
20. **Б. п.** Художественный театр // Руль. – 1909. – № 197, 26 октября. – С. 3.
21. **Буренин, В. П.** Критические очерки / В. П. Буренин // Новое время. – 1907. – № 11296, 24 августа (6 сентября). – С. 3.
22. **Бухов, Арк.** В морду. Критика критики / Арк. Бухов // Весна. – 1908. – № 10. – С. 13–14.
23. **Горнфельд, А.** «Мои записки» Леонида Андреева / А. Горнфельд // Русское богатство. – 1909. – № 1. – С. 96–120.
24. **Гуревич, Л. Я.** Петербургские театры: «Анфиса» Л. Андреева / Л. Я. Гуревич // Русские ведомости. – 1909. – № 234, 13 октября. – С. 5.
25. **Дерман, А.** Тленное и нетленное. О «Профессоре Сторицыне» Л. Андреева / А. Дерман // Русское богатство. – 1913. – № 2. – С. 403–410.
26. **Доброхотов, А.** Карьера Леонида Андреева: Эюд о популярности, арлекинах и толпе / А. Доброхотов. – Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1909. – 32 с.
27. **Жизнь** и литературное творчество В. Г. Короленко: Сборник статей и речей к 65-му юбилею. – Петроград: Культура и свобода, 1919. – 140 с.
28. **Ирисов, Арк.** Causerie / Арк. Ирисов // Руль. – 1909. – № 205, 14 декабря. – С. 3.
29. **Кентавр.** Торжище суеты / В. В. Воровский // Одесское обозрение. – 1909. – № 534, 29 сентября. – С. 2.

30. **Короленко, В. Г.** Избранные письма: в 3 т. Т. III / Под ред. и с примеч. Н. В. Короленко и А. Л. Кривинской / В. Г. Короленко. – Москва Гослитиздат, 1936. – 284 с.
31. **Короленко, В. Г.** Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10 / В. Г. Короленко. – Москва: ГИХЛ, 1956. – 717 с.
32. **Короленко, В. Г.** Речь на праздновании юбилея / В. Г. Короленко // «Была бы жива Россия!»: Неизвестная публицистика. 1917–1921 гг. / Сост. и коммент. С. Н. Дмитриева / В. Г. Короленко. – Москва: Аграф, 2002. – С. 192–193.
33. **Линин, А. М.** Леонид Андреев и «Русское слово»: Отдельный оттиск из 2/11 тома «Известий 1 и 2 СКПИ» / А. М. Линин. – Орджоникидзе. – 1934. – 16 с.
34. **Литературное наследство.** Том 107: Журнал «Русское богатство» Н. К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. 1890–1903: в 2 кн. Кн. 2: 1900–1903. – Москва: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2022. – 658 с.
35. **Мережковский, Д. С.** В обезьяньих лапах. О Леониде Андрееве / Д. С. Мережковский // Русская мысль. – 1908. – № 1. – С. 75–98.
36. **Михайловский, Ник.** Литература и жизнь. Об одном неосновательном мнении. – «Рассказы» Леонида Андреева. – Страх смерти и страх жизни. – Несколько слов «Финляндской газете» / Ник. Михайловский // Русское богатство. – 1901. – № 11. – С. 58–74.
37. **Никулин, А. А.** Открытое письмо / А. А. Никулин // Кубанский курьер. – 1908. – № 44. – С. 00.
38. **П. С. (Владимирская).** Леонид Андреев и его критики // Кубанский курьер. – 1908. – № 20, 3 октября. – С. 2.
39. **Пешехонов, А.** На очередные темы. Сумятица. I. В жизни. – II. В литературе / А. Пешехонов // Русское богатство. – 1908. – № 10. – С. 67–82.
40. **Пешехонов, А.** На очередные темы. Волна пошлости / А. Пешехонов // Русское богатство. – 1911. – № 3. – С. 86–111.
41. **Редько, А. Е.** Элегия Леонида Андреева. «Черные маски» / А. М. Редько и Е. И. Редько // Русское богатство. – 1909. – № 4. Отд. II. – С. 173–183.
42. **Чуковский, К. И.** О Владимире Короленке // Русская мысль. – 1908. – № 9. – С. 126–139.
43. **Чуковский, К. И.** Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5: Современники. – 2-е изд., электронное, испр. – Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. – 480 с.

44. **Чуковский, К. И.** Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11: Дневник 1901–1921. Конспекты по философии. Корреспонденции из Лондона. – 2-е изд., электронное, испр. / К. И. Чуковский. – Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. – 592 с.
45. **Чуковский, К. И.** Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12: Дневник 1922–1935. – 2-е изд., электронное, испр. / К. И. Чуковский. – Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. – 660 с.
46. **Шебуев, Н.** Весна / Н. Шубуев // Весна. – 1908. – № 5. – С. 6.
47. **Юдина, И. М.** Рукописи и переписка В. Г. Короленко: Научное описание / И. М. Юдина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1970 год. – Ленинград: Наука. – 1973. – С. 3–109.
48. **Яблоновский, Сергей.** Не по поступкам поступают / С. В. Потресов // Русское слово. – 1909. – № 7, 10 января. – С. 3.
49. **Justus.** Приезд В. Г. Короленко // Кубанский курьер. – 1908. – № 23, 7 октября. – С. 3.
50. **Justus.** Отъезд писателя В. Г. Короленко // Кубанский курьер. – 1908. – № 26, 10 октября. – С. 3.
51. **Justus.** К пребыванию В. Г. Короленко в Новороссийске // Кубанский курьер. – 1908. – № 40, 28 октября. – С. 3.

REFERENCES

1. **Amfiteatrov, A. V.** Talant vo tme / A. V. Amfiteatrov // Protiv techeniya / A. V. Amfiteatrov – Sankt-Peterburg: Prometej. – 1908. – S. 176–203.
2. **Andreev, Leonid.** Car / Leonid Andreev // Vesna. – 1908. – № 1. – S. 4.
3. **Andreev, Leonid.** Inostranec / Leonid Andreev // Russkoe bogatstvo. – 1902. – № 12. – S. 51–64.
4. **Andreev, L.** Smert Gullivera / L. Andreev // Utro Rossii. – 1911. – № 35, 13 fevralya. – С. 3–4.
5. **Andreev, Leonid.** S.O.S.: Dnevnik (1914–1919); Pisma (1917–1919); Stati i intervyy (1919); Vospominaniya sovremennikov (1918–1919) / Vstupit. statya, sostavlenie i primechaniya R. Devisa i B. Hellmana / Leonid Andreev. – Moskwa; Sankt-Peterburg: Atheneum; Feniks. – 1994. – 598 s.
6. **Andreev, L. N.** Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 23 t. Т. 1 / L. N. Andreev. – Moskwa: Nauka, 2007. – 805 s.
7. **Andreev, L. N.** Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 23 t. Т. 13: Stati. 1895–1900 / L. N. Andreev. – Moskwa: Nauka, 2014. – 788 s.
8. **В. п.** Dve karery. Karera Leonida Andreeva // Vesna. – 1908. – № 10. – S. 10.

9. **В. п.** U Leonida Andreeva // Odeskoe obozrenie. 1909. – № 526, 19 sentyabrya. – S. 2.
10. **В. п.** Literaturno-hudozhestvennyye almanahi izdatelstva «Shipovnik». III. SPb., 1908 / P. F. Yakubovich // Russkoe bogatstvo. – 1907. – № 12. – S. 171–175.
11. **В. п.** Dve karery. Karera Leonida Andreeva // Vesna. – 1908 – № 10. – S. 10.
12. **В. п.** L. Andreev. Rasskaz o semi poveshennyh. S risunkom I. E. Repina. Moskva, 1909 / P. F. Yakubovich // Russkoe bogatstvo. – 1909. – № 1. – S. 158–159.
13. **В. п.** Leonid Andreev. Anatema. Sankt-Peterburg: Shipovnik, 1909 / A. G. Gornfeld // Russkoe bogatstvo. – 1909. – № 10. – S. 156–158.
14. **В. п.** Hudozhestvennyj teatr // Rul. – 1909. – № 197, 26 oktyabrya. – S. 3.
15. **В. п.** L. Andreev o pospektaknoj plate // Russkoe slovo. – 1909. – № 6, 9 yanvaryaya. – S. 6.
16. **В. п.** Leonid Andreev v kinematografe // Obozrenie teatrov. – 1909. – № 853, 23 sentyabrya. – S. 9.
17. **В. п.** Proishozhdenie «Anfisy» // Obozrenie teatrov. – 1909. – № 872, 12 oktyabrya. – S. 8.
18. **В. п.** Oproverzhenie L. Andreeva // Obozrenie teatrov. – 1909. – № 882, 22 oktyabrya. – S. 14.
19. **В. п.** Leonid Andreev. Sobranie sochinenij. Rasskazy, ocherki, stati. SPb.: Prosveschenie, 1911. S portretom avtora i vstupitelnoj statej M. A. Rejsnera / A. G. Gornfeld // Russkoe bogatstvo. – 1911. – № 1. – S. 160–163.
20. **В. п.** Pervye literaturnye shagi. Sobral F. F. Fidler. M., 1911 / A. G. Gornfeld // Russkoe bogatstvo. – 1911. – № 2. – S. 151–153.
21. **В. п.** Pokushenie na Leonida Andreeva (Iz besedy s pisatelem) // Birzhevyye vedomosti. – 1911. – № 9, 12 yanvaryaya. – S. 2.
22. **Buhov Ark.** V mordu. Kritika kritiki // Vesna. – 1908. – № 10. – S. 13–14.
23. **Burenin, V. P.** Kriticheskie ocherki // Novoe vremya. – 1907. – № 11296, 24 avgusta (6 sentyabrya). – S. 3.
24. **Chukovskij, K. I.** O Vladimire Korolenke // Russkaya mysl. – 1908. – № 9. – S. 126–139.
25. **Chukovskij, K. I.** Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 5: Sovremenniki. – 2-e izd., elektronnoe, ispr. – Moskva: Agentstvo FTM, Ltd, 2012. – 480 s.
26. **Chukovskij, K. I.** Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 11: Dnevnik 1901–1921. Konspekty po filosofii. Korrespondencii iz Londona. – 2-e izd., elektronnoe, ispr. – Moskva: Agentstvo FTM, Ltd, 2013. – 592 s.

27. **Chukovskij, K. I.** Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 12: Dnevnik 1922–1935. – 2-e izd., elektronnoe, ispr. – Moskva: Agentstvo FTM, Ltd, 2013. – 660 s.
28. **Derman A.** Tlennoe i netlennoe. O «Professore Storicyne» L. Andreeva // Russkoe bogatstvo. – 1913. – № 2. – S. 403–410.
29. **Dobrohotov A.** Karera Leonida Andreeva: Etyud o populyarnosti, arlekinah i tolpe. – Moskva: Pechatny A. I. Snegirevoj, 1909. – 32 s.
30. **Gornfeld A.** «Moi zapiski» Leonida Andreeva // Russkoe bogatstvo. – 1909. – № 1. – S. 96–120.
31. **Gurevich L.Ya.** Peterburgskie teatry: «Anfisa» L. Andreeva // Russkie vedomosti. – 1909. – № 234, 13 oktyabrya. – S. 5.
32. **Irisov Ark.** Causerie // Rul. – 1909. – № 205, 14 dekabrya. – S. 3.
33. **Kentavr.** Torzhishe suety / V. V. Vorovskij // Odesskoe obozrenie. – 1909. – № 534, 29 sentyabrya. – S. 2.
34. **Korolenko V. G.** Izbrannye pisma: v 3 t. T. III / Pod red. i s primech. N. V. Korolenko i A.L. Krivinskoj. – Moskva: Goslitizdat, 1936. – 284 s.
35. **Korolenko, V. G.** Sobranie sochinenij: v 10 t. – Moskva: GIHL, 1956. – T. 10. – 717 s.
36. **Korolenko, V. G.** Rech na prazdnovanii yubileya // Korolenko V. G. «Byla by zhiva Ros-siya!»: Neizvestnaya publicistika. 1917–1921 gg. / Sost. i komment. S. N. Dmitrieva. – Moskva: Agraf, 2002. – S. 192–193.
37. **Literaturnoe nasledstvo.** Tom 107: Zhurnal «Russkoe bogatstvo» N. K. Mihajlovskogo. Iz perezpiski chlenov redakcii, avtorov i sovremennikov. 1890–1903. V 2 kn. Kn. 2: 1900–1903. – Moskva: IMLI im. A. M. Gorkogo RAN, 2022. – 658 s.
38. **Merezhkovskij, D. S.** V obezyanih lapah. O Leonide Andreeve // Russkaya mysl. – 1908. – № 1. – S. 75–98.
39. **Mihajlovskij, Nik.** Literatura i zhizn. Ob odnom neosnovatelnom mnenii. – «Rasskazy» Leonida Andreeva. – Strah smerti i strah zhizni. – Neskolko slov «Fin-lyandskoj gazete» // Russkoe bogatstvo. – 1901. – № 11. – S. 58–74.
40. **Nikulin, A. A.** Otkrytoe pis'mo // Kubanskij kur'er. – 1908. – № 44. – S. 00
41. **P.S. (Vladimirskaya).** Leonid Andreev i ego kritiki // Kubanskij kurer. – 1908. – № 20, 3 oktyabrya. – S. 2.
42. **Peshehonov, A.** Na ocherednye temy. Sumyatica. I. V zhizni. – II. V literature // Russkoe bogatstvo. – 1908. – № 10. – S. 67–82.
43. **Peshehonov, A.** Na ocherednye temy. Volna poshlости // Russkoe bogatstvo. – 1911. – № 3. – S. 86–111.

44. **Red'ko, A. E.** Elegiya Leonida Andreeva. «Chernye maski» / A. M. Red'ko i E. I. Red'ko // Rus-skoe bogatstvo. – 1909. – № 4. Otd. II. – S. 173–183.
45. **Shebuev, N.** Vesna // Vesna. – 1908. – № 5. – S. 6.
46. **Yablonovskij, Sergej.** Ne po postupkam postupayut / S. V. Potresov // Russkoe slovo. – 1909. – № 7, 10 yanvarya. – S. 3.
47. **Yudina, I. M.** Rukopisi i perepiska V. G. Korolenko: Nauchnoe opisanie // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1970 god. – Leningrad.: Nauka. – 1973. – S. 3–109.
48. **Zhizn** i literaturnoe tvorcestvo V. G. Korolenko: Sbornik statej i rechej k 65-mu yubileyu. – Petrograd: Kultura i svoboda, 1919. – 140 s.
49. **Justus.** Priezd V. G. Korolenko // Kubanskij kurer. – 1908. – № 23, 7 oktyabrya. – S. 3.
50. **Justus.** Otezd pisatelya V. G. Korolenko // Kubanskij kurer. – 1908. – № 26, 10 oktyabrya. – S. 3.
51. **Justus.** K prebyvaniyu V. G. Korolenko v Novorossijske // Kubanskij kurer. – 1908. – № 40, 28 oktyabrya. – S. 3.